

9 5 8 | 3
0
☆

св

6

НИЖНИЙ-ПОВГОРОДЪ

И

ПУТЬ СЛѢДОВАНІЯ ДО КОСТРОМЫ.

12/3302 ~~8.10/2~~ 5570

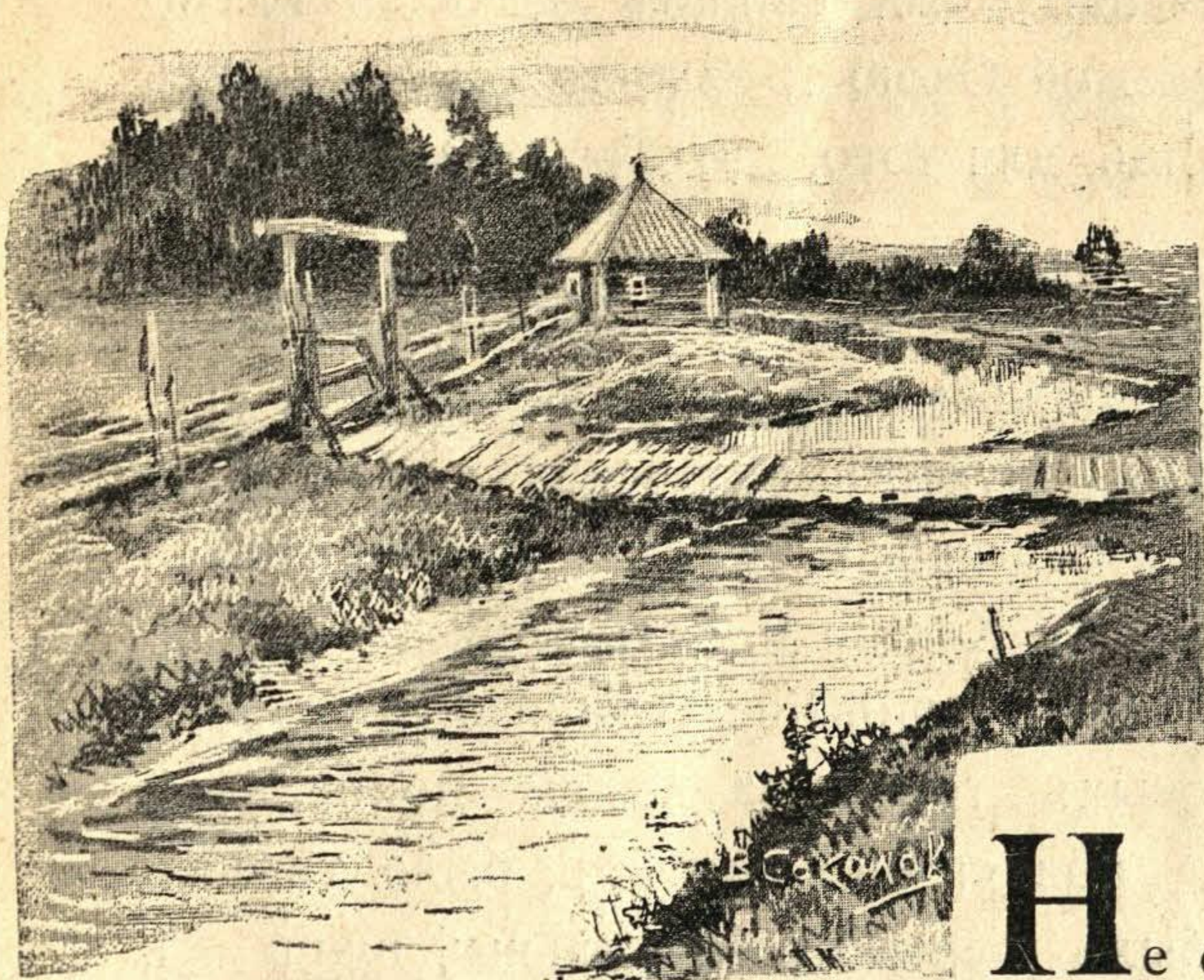
ПЕЧАТАНО ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

Май 1913 года.

I.

Пижній-Повгородъ.

Истокъ Волги.

I.

НИЖНІЙ- НОВГОРОДЪ.

Не съ горныхъ ледяныхъ высотъ, какъ большинство великихъ рѣкъ міра, съ незамѣтной пологой возвышенности незамѣтнымъ ручьемъ начинаетъ свое теченіе Волга—исконный путь Славянъ на востокъ. Мала и непримѣтна въ началѣ, что ни плесъ, то ширясь и матерѣя въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи, широко раздвигаетъ она свои берега и великой полноводной рѣкой подходитъ къ Нижнему-Новгороду.

Здѣсь, у устья Оки, у предѣловъ сильнаго тогда царства Булгарскаго остановилось когда-то славянство въ своемъ вѣковомъ наступательномъ движеніи на востокъ,— движеніи, начатомъ еще новгородцами во времена незапамятныя. Предстояла борьба не съ мелкими, разрозненными

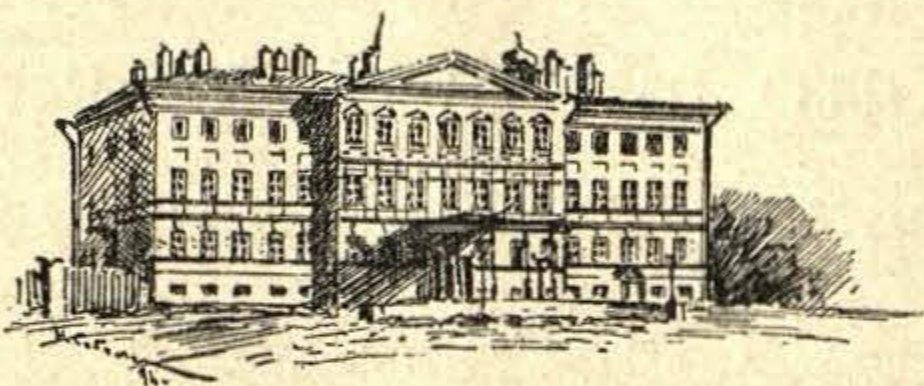

финскими племенами, легко подчинявшимся стихійно надвигавшемуся на нихъ великому племени, но съ достаточно могущественнымъ по тому времени культурнымъ и цивилизованнымъ государствомъ.

Здѣсь, у устья Оки собирались русскія силы. Подобно тому, какъ воды Оки сливаются съ волжскими водами, въ историческомъ прошломъ силы русской земли, омываемой верхней Волгой съ ея притоками, слились здѣсь съ силами русской земли, омываемой Окою съ ея притоками, слились въ одну крѣпкую мощь для того, чтобы дальше пробивать себѣ путь.

Нижній-Новгородъ—памятникъ этой борьбы за дальнѣйшее обладаніе Поволжьемъ, борьбы, начавшейся еще въ XII вѣкѣ походами дружинъ рязанскихъ и суздальскихъ на мордовскія и болгарскія земли и окончившейся въ XVI вѣкѣ покореніемъ Казани и Астрахани.

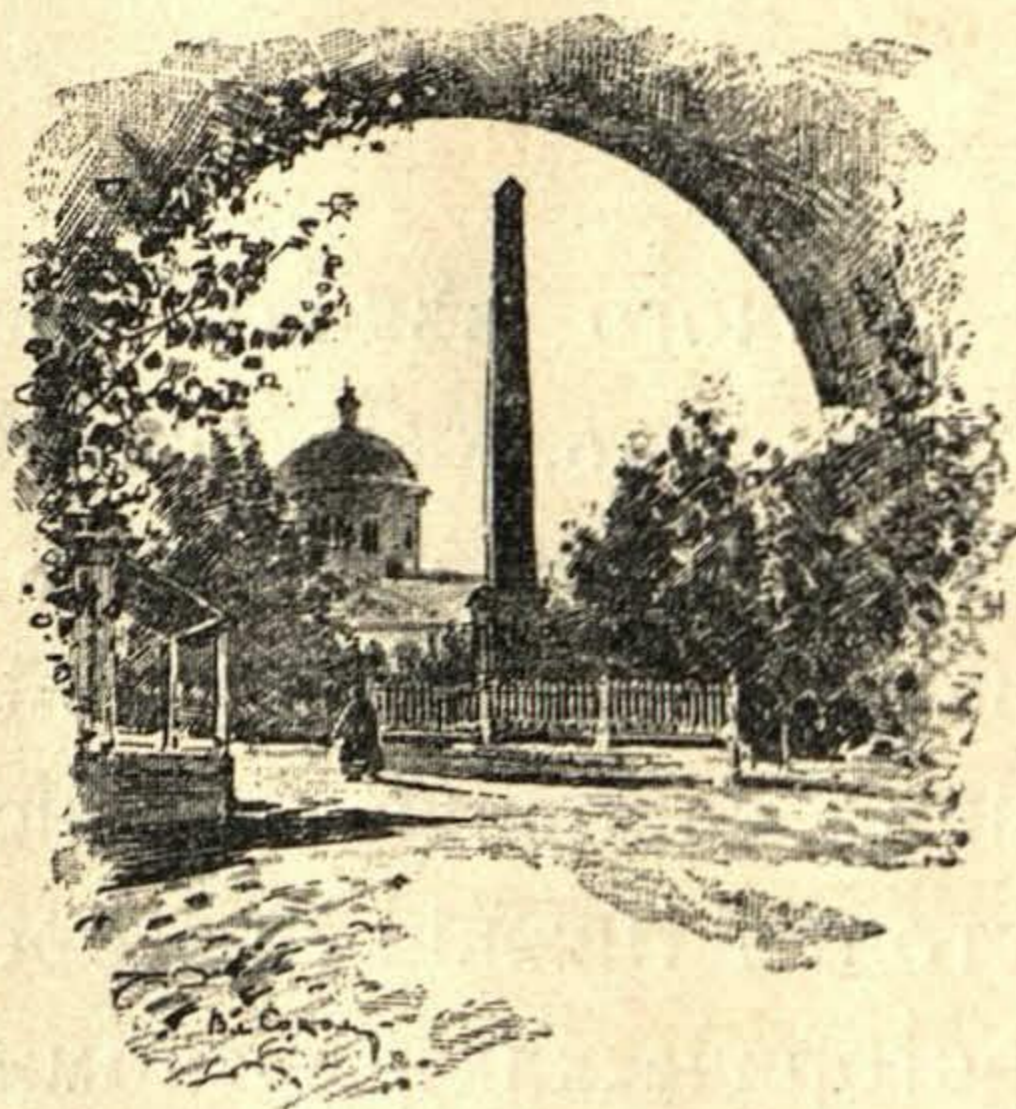
Завоеваніе устья Оки и основаніе Нижняго-Новгорода на высотахъ Дятловыхъ горъ, на землѣ покоренной мордвы, сильной тогда поддержкой Булгаръ, было дѣломъ не легкимъ, и это былъ первый рѣшительный шагъ къ завоеванію низового Поволжья.

Дворецъ въ Н.-Новгородѣ.

Много вѣковъ пронеслось надъ русской землей съ тѣхъ поръ, какъ святой благовѣрный князь суздальскій Георгій Всеволодовичъ „заложилъ градъ на усть Оки и нарѣче имя ему Новъ-Градъ-Нижній и церковь постави въ немъ соборную Архистратига Михаила“. Семьсотъ лѣтъ стоитъ Нижній-Новгородъ, и немало связано съ нимъ историческихъ воспоминаній, однако, историческихъ памятниковъ былого въ немъ уцѣлѣло немного, и бѣденъ онъ стариной въ сравненіи съ его еще болѣе древними сосѣдями—Владиміромъ, Суздалемъ, Муромомъ, Костромой, не говоря уже о Ярославлѣ, Ростовѣ и тѣмъ болѣе Москвѣ. Немного сохранилось въ немъ памятниковъ старины, но церковь Архистратига Михаила—памятникъ основанія города—цѣла, какъ цѣлъ и древній кремль нижегородскій—памятникъ борьбы Московскаго государства съ Казанью, пощадило ихъ и время и безжалостная рука человѣческая. Церковь Архистратига и древнія кремлевскія стѣны цѣлы, но не уцѣлѣло памятника недолгой самостоятельности Нижегородскаго великаго княжества—собора Боголѣпнаго Спаса: на его мѣстѣ, надъ гробницами великихъ князей нижегородскихъ и погребеннаго съ ними великаго богатыря духа—Козьмы Минина, возвышается новое зданіе и отдаленно не напоминающая своимъ видомъ ни той поры, когда первый князь нижегородскій въ XIV вѣкѣ, покинувъ древнюю столицу своихъ предковъ—Суздаль, перенесъ сюда престолъ свой, убѣгая опасныхъ притязаній Москвы, ни того времени, когда изъ Нижняго-Новгорода раздался громовой призывъ погребеннаго здѣсь великаго нижегородца.

Изъ кремля съ Часовой горы, изъ Мининскаго сада, отъ памятника Минину и Пожарскому, раскрывается одинъ изъ лучшихъ видовъ во всемъ Поволжьѣ—величественная картина слиянія Оки съ Волгой, этихъ двухъ величайшихъ рѣкъ Европы. Съ птичьяго полета съ одной стороны видна отсюда ярмарка съ вѣчной суетой у ея пристаней и отдаленнымъ гомономъ бьющей ключемъ жизни, съ другой—широкая зеленѣющая равнина Заволжья, тотъ край когда-то сплошныхъ дремучихъ лѣсовъ, гдѣ въ безвѣстной глуши въ концѣ XVII столѣтія возникли первые раскольничьи скиты, жизнь и нравы которыхъ въ такихъ художественныхъ чертахъ описалъ Андрей Печерскій („Въ лѣсахъ“).

Старый памятникъ Минину и Пожарскому.

Недалеко отъ памятника Минину и Пожарскому, рядомъ съ Мининскомъ садомъ стоитъ древній Архангельскій соборъ. Построенный въ 1227 г., онъ много разъ поновлялся и даже перестраивался, какъ на примѣръ, въ 1359 г., когда съ построеніемъ новаго собора Боголѣпнаго Спаса обращенъ былъ въ великокняжескую домовую церковь. Нижняя часть его носитъ слѣды глубокой старины: выступающія алтарныя абсиды, узкія маленькія окна, византійскіе кокошники—все это напоминаетъ церкви 12, 13, 14 вѣковъ Владиміра, Новгорода, Пскова. Вѣроятно, подобно Дмитровскому собору во Владимірѣ, церковь Архистратига имѣла прежде одну главу (для пятиглавой она слишкомъ мала). Въ началѣ XVII вѣка верхъ ея перестроенъ въ видѣ шестискатнаго шатра; нѣсколько позднѣе, въ томъ же XVII столѣтіи къ ней пристроенъ съ южной стороны небольшой придѣлъ Іоанна Богослова.

Характерна ея небольшая колокольня, крытая четырехскатнымъ шатромъ. Рядомъ съ колокольней уцѣлѣла, вѣроятно, отъ времени основанія церкви, подзорная башня, теперь загороженная отъ Волги шатровымъ верхомъ собора, но съ которой въ старыя времена долженъ былъ открываться во всѣ стороны широкій просторъ Заволжья и Заочья. Съ этой башни въ древности слѣдили день и ночь—не показывается-ли гдѣ-нибудь идущая рать непріятельская, не бѣлѣютъ-ли на Волгѣ паруса гостей нежданныхъ-непрощенныхъ, не мелькаетъ-ли ночью вражьи костровы; и вотъ лишь показалось дозорнымъ что-нибудь неладное, какъ звукъ набатнаго колокола подымалъ тревогу. Осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, подымались посадскіе люди, наскоро собирали свой скарбъ и многіе спѣшили подъ защиту кремлевскихъ стѣнъ, а боевой воевода, облакаясь въ доспѣхи, собиралъ свою рать.

Если снаружи Архангельскій соборъ сохранилъ видъ старины, то внутри передѣланный заново еще при Императрицѣ Екатеринѣ II и затѣмъ много разъ послѣ того поновлявшійся, теперь не носитъ слѣдовъ даже и Екатерининскаго времени, такъ что, напримѣръ, самая древнѣйшая изъ фресокъ его, изображающая Михаила Архангела поражающимъ змѣя, не старше начала XIX вѣка. Въ настоящее время когда-то молитвенный пріютъ

Архангельскій соборъ.

великихъ князей нижегородскихъ расписанъ современнымъ подражаніямъ Васнецову и Нестерову. Нѣтъ давно и надгробій похороненныхъ здѣсь многихъ потомковъ великихъ князей—безвластныхъ присяжниковъ Москвы, только надписи на стѣнахъ приблизительно указываютъ мѣста ихъ могилъ. Въ соборѣ сохранилось, однако, нѣсколько древнихъ иконъ XV и XVI вѣковъ, какъ икона Михаила Архангела съ Иисусомъ Навиномъ, Николая Чудотворца, Печерской Божіей Матери. Въ ризницѣ уцѣлѣли едва-ли не съ XIII столѣтія древніе оловянные сосуды, сохранились полотняныя ризы, сшитыя, по преданію, изъ великокняжескихъ одеждъ.

Если Архангельскій соборъ представляетъ собой памятникъ основанія Нижняго-Новгорода, то находящійся противъ зданія дворца Спасо-Преображенскій кафедральный, какъ уже сказано, связанъ съ воспоминаніемъ о самостоятельности Нижегородскаго великаго княжества.

Когда старое орлиное гнѣздо Кучковичей—Москва къ XIV вѣку изъ незначительнаго сельбища превратилась въ столицу новаго сильнаго княжества, когда подъ державной рукой Калиты

Кремлевскій дворецъ съ Волги.

начала она угрожать самостоятельности сосѣднихъ княжествъ, великій князь суздальскій Константинъ Васильевичъ рѣшилъ уйти подальше отъ нея и перенесъ свою столицу въ украинный городъ Н.-Новгородъ, поближе къ Ордѣ, на всесильную поддержку которой можно было рассчитывать въ случаѣ притязаній Москвы. Заботясь о благоустройствѣ и благолѣпіи своей будущей столицы, Константинъ заложилъ въ ней, на мѣстѣ прежней, обветшавшей къ тому времени церкви Спаса, построенной,

такъ же, какъ и церковь Михаила Архангела, еще Георгіемъ Всеволодовичемъ, новую соборную церковь Боголѣпнаго Спаса. Торжество освященія этой церкви, въ 1352 г., было въ то же время и торжествомъ открытія новой столицы. Со скорбнымъ сердцемъ покидая древнюю столицу своихъ предковъ, Константинъ Васильевичъ перенесъ въ Нижній и родовую святыню князей суздальскихъ—византійскую икону Нерукотвореннаго Спаса, которая и до сихъ поръ находится въ кафедральномъ соборѣ, представляя собой одну изъ важнѣйшихъ его достопамятностей.

Спасскій соборъ не одинъ разъ перестраивался и даже переносился съ мѣста на мѣсто. По отзывамъ очевидцевъ-современниковъ, особеннымъ великолѣпіемъ блистало зданіе, построенное въ 1652 г. Зданіе это просуществовало безъ малаго двѣсти лѣтъ и въ началѣ XIX вѣка, пришедшее въ крайнюю ветхость, разобрано. Теперешнее новое зданіе существуетъ съ 1834 г. Довольно грандіозное по размѣрамъ, оно не отличается ни изяществомъ архитектуры, ни даже опредѣленнымъ какимъ-либо стилемъ. Стоитъ оно, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ сооруженъ первый соборъ Константиномъ Васильевичемъ, т. е. надъ гробницами его самого и его потомковъ.

Преображенскій соборъ, такъ же, какъ и Архангельскій, не богатъ стариной. Кромѣ огромныхъ размѣровъ византійской иконы, перенесенной изъ Суздаля, сомнительной подлинности другой небольшихъ размѣровъ византійской же иконы Одигитріи въ алтарѣ, нѣсколькихъ древнихъ иконъ московскихъ писемъ, изъ которыхъ мѣстная икона Иверской Божіей Матери принадлежитъ кисти Симона Ушакова, что видно изъ надписи подъ ризой, иконы Скорбящей Божіей Матери, иконы Филиппа Митрополита и древнихъ т. н. Крутитскихъ царскихъ вратъ южнаго

придѣла,—въ соборѣ хранится шапка великаго князя Георгія Всеволодовича, торжественно перенесенная сюда изъ Владиміра въ 1889 г., въ дни празднованія семисотлѣтія рожденія основателя Н.-Новгорода. Если подлинность этой шапки не должна подлежать сомнѣнію, то, вѣроятно, служила она принадлежностью одѣянія великаго князя далеко не въ торжественныхъ случаяхъ: вмѣсто настоящаго горноста, на ея опушкѣ совсѣмъ грубая поддѣлка подъ горноста, бархатъ далеко невысокаго качества и наводитъ на сомнѣніе относительно его древности, нѣсколько подозрительны и галуны.

Гораздо интереснѣе склепъ этого храма—усыпальница великихъ князей съ гробницею Кузьмы Минина. Гробница „спасителя отечества“, передъ которой въ 1722 году Петръ Великій поклонился до земли, передъ которой, по его примѣру, склоняли головы всѣ русскіе Вѣнценосцы, начиная съ Екатерины II, долгое время была не въ особенномъ призорѣ у нижегородцевъ; только послѣ того, какъ въ 1869 году въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III, еще Наслѣдникомъ престола посѣтивъ нижегородскій соборъ, выразилъ сожалѣніе, что память столь великаго по заслугамъ отечеству человѣка недостаточно почтена,—гробница и сводъ надъ нею приведены въ порядокъ и на средства всероссійскаго ярмарочнаго купечества отдѣланы въ стилѣ начала XVII вѣка извѣстнымъ знатокомъ русской старины, архитекторомъ-археологомъ Л. В. Далемъ. Особенно хорошъ по строго выдержанному стилю и необыкновенному изяществу шатеръ надъ спускомъ въ склепъ къ самой гробницѣ изъ верхняго собора. Подъ этимъ шатромъ въ глубинѣ ниши виситъ списокъ со стяга князя Пожарскаго (подлинникъ въ Оружейной Палатѣ) и двѣ небольшія хоругви, съ которыми, по преданію, выходило

нижегородское ополченіе. Самая гробница изъ цѣлаго лабратора стоитъ подъ низкими сводами, расписанными въ томъ же стилѣ XVII столѣтія. Противъ гробницы надъ входомъ въ усыпальницу великихъ князей помѣщается небольшая походная икона Козьмы Минина.

Едва мерцающая лампада да блѣдный отблескъ дневного свѣта еле проникаютъ въ склепъ изъ верхняго храма и слабо озаряютъ гробницу великаго человѣка. Полумракъ и глубокая тишина настраиваютъ мысль и чувство къ святому благоговѣнію, а тяжелые своды, отдѣланные во вкусѣ эпохи, невольно переносятъ къ тѣмъ далекимъ временамъ тяжелаго лихолѣтья, когда вся русская земля, ежечасно ждавшая „конечныя гибели“, спасена была призывомъ почивающаго здѣсь народнаго героя. И невольно вспоминаются при этомъ немудрыя вирши безвѣстнаго піиты старыхъ временъ, когда-то украшавшія чугунныя плиты прежней гробницы:

„Се Миновичъ Кузьма здѣсь тѣломъ почиваетъ,—

„Всякъ истинный кто Россъ да прахъ его лобзаетъ“.

Нѣсколько ступеней внизъ ведутъ отсюда въ темное подземелье, гдѣ въ началѣ прошлаго столѣтія устроена трехпрестольная церковь, средній придѣлъ которой освященъ во имя Казанской Божіей Матери, празднуемой 22 октября, въ день памяти московскаго очищенія, южный—во имя Дмитрія Мироточиваго, въ память Дмитрія Михайловича Пожарскаго и сѣверный—во имя Космы и Даміана, въ память Кузьмы Минина.

Въ этомъ склепѣ у южной стѣны расположены гробницы великихъ князей.

Недолго, всего сорокъ лѣтъ просуществовало Нижегородское великое княжество, поддерживаемое Ордой и павшее съ паденіемъ могущества Орды. Всего сорокъ лѣтъ,

и за это время, полное тревогъ и внутреннихъ распрей, успѣло смѣниться въ немъ пять великихъ князей, одинъ изъ которыхъ княжилъ три раза, три раза, вопреки правъ старшинства, овладѣвая престоломъ. Прахъ этого послѣдняго самостоятельнаго князя нижегородскаго Бориса Константиновича, который своими родственными связями съ Ольгердомъ литовскимъ и личными дарованіями, умомъ и энергіей внушалъ опасенія самой Москвѣ, упорно старавшейся не допускать его до великаго княженія — покоится рядомъ съ южнымъ придѣломъ подземнаго храма. Въ серединѣ почти противъ входа находится гробница основателя великаго княжества Нижегородскаго—Константина Васильевича, правнука Ярослава Всеволодовича и внучатаго племянника Александра Невскаго. Тутъ же не вдалекѣ гробница второго великаго князя—Андрея Константиновича, при которомъ Нижній достигъ извѣстной степени могущества, при чемъ съ нимъ въ эту пору не смѣла спорить даже Москва, дворъ великаго князя нижегородскаго не уступалъ въ блескѣ московскому. Почти рядомъ покоится третій великій князь, тестъ Дмитрія Донскаго, Дмитрій Константиновичъ и недалеко—четвертый, Василій Дмитріевичъ, по прозвищу Кирдяпа, родоначальникъ князей Шуйскихъ и предокъ царя Василія Шуйскаго. Здѣсь же погребены супруги: Константина—Анна Грековна и Андрея—Анастасія, во иночествѣ Васса, въ схимѣ Феодора, извѣстная своей подвижнической жизнью и почитавшаяся когда-то святой мѣстнотимой въ городѣ Галичѣ, гдѣ провела остатокъ дней. Между гробницами другихъ родственниковъ великихъ князей нижегородскихъ находится могила брата Василія Константиновича—Симеона, родоначальника Горбатовыхъ и предка Евдокіи Александровны Горбатовой, супруги Никиты Романовича и бабки царя Михаила Феодоровича. Впрочемъ, погребень-ли дѣй-

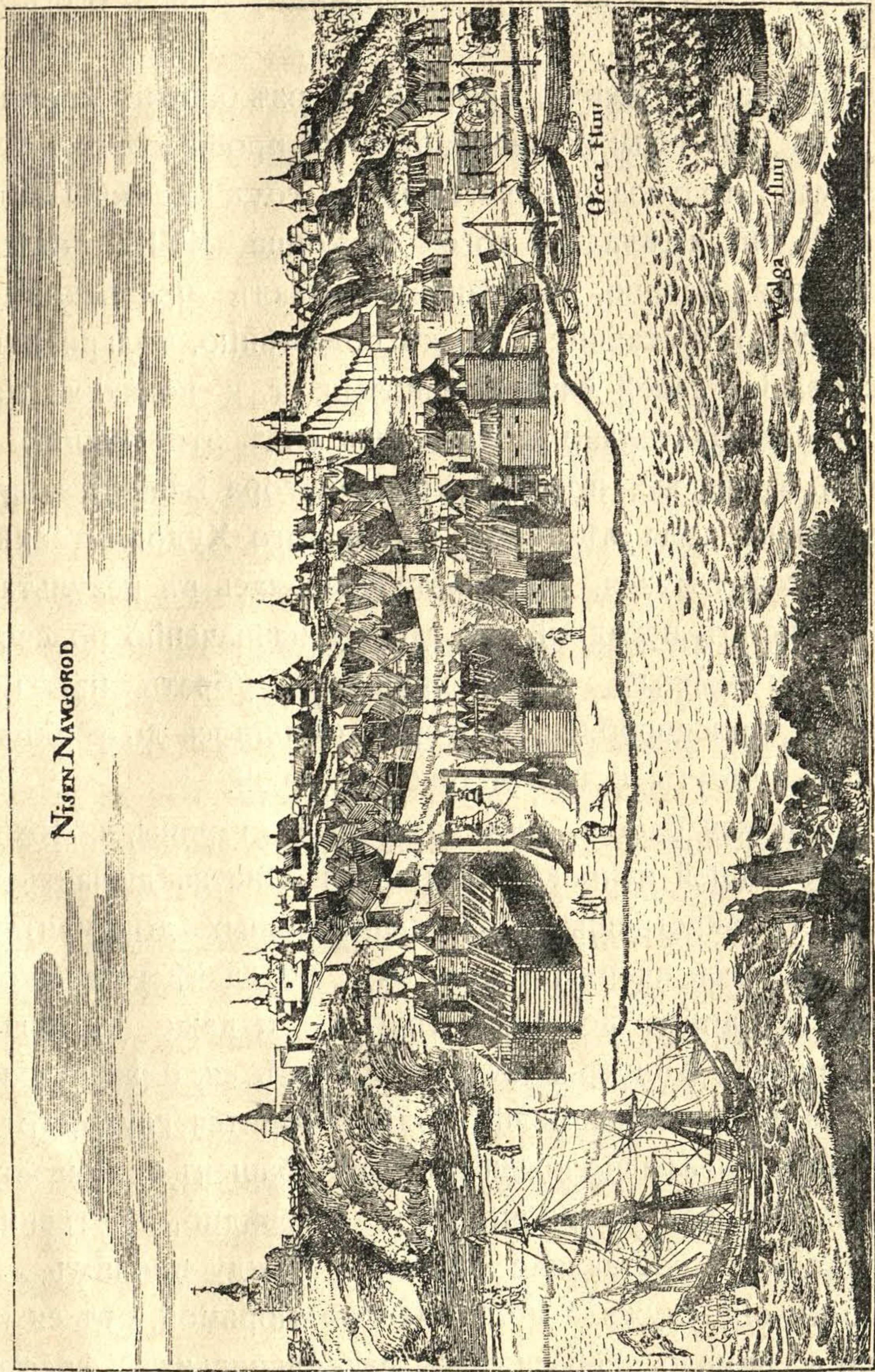
ствительно здѣсь Симеонъ Кирдяпа, вопросъ спорный. Симеонъ Дмитріевичъ, всю жизнь до глубокой старости тщетно добивавшійся возстановленія наслѣдственныхъ правъ на нижегородскій престолъ, жилъ и умеръ не въ Нижнемъ, а въ Хлыновѣ, извѣстій же о перенесеніи его тѣла никакихъ нѣтъ. Изъ остальныхъ гробницъ болѣе поздняго времени здѣсь могутъ быть отмѣчены: гробница извѣстнаго сподвижника Петра Великаго по борьбѣ съ расколомъ—архіепископа Питирима, перваго нижегородскаго митрополита Филарета и католикоса Антонія изъ рода князей Грузинскихъ, прямого потомка царей Грузіи.

Ризница собора тоже не особенно богата достойными вниманія древностями. Самая замѣчательная изъ древностей здѣсь—харатейное Евангеліе XV вѣка, замѣчательное по богатству оклада, украшеннаго жемчугомъ и драгоценными камнями, Евангеліе 1689 года. Поражаетъ также своимъ богатствомъ бриллиантовая панагія съ огромными изумрудами—подарокъ Императрицы Екатерины II тогдашнему нижегородскому епископу Антонію, сподвижнику губернатора Ступишина по усмирению пугачевского бунта, въ нижегородскихъ предѣлахъ подавленнаго въ самомъ началѣ и введенію новаго порядка мѣстнаго управленія съ открытіемъ Нижегородскаго намѣстничества.

Когда борьба съ Казанью изъ оборонительной приняла мало-по-малу характеръ наступательный и стала особенно рѣшительной при Иванѣ III, Нижній сразу пріобрѣлъ важное стратегическое значеніе,—въ него стали то-и-дѣло стягиваться ратныя силы со всѣхъ концовъ русской земли, а между тѣмъ самъ онъ не былъ достаточно хорошо укрѣпленъ. Кремль его состоялъ изъ деревянныхъ стѣнъ

съ одной цитаделью, или, по тогдашнему, — дѣтинцемъ, построеннымъ еще во времена самостоятельности Нижегородскаго великаго княжества въ 1372 году — теперешней Дмитровской башней, названной такъ по имени ея строителя — великаго князя Дмитрія Константиновича.

Построеніе Дмитровской цитадели было, однако, не первой попыткой укрѣпить Нижній каменными стѣнами. Первую дѣлалъ незадолго до того, вопреки правъ старшинства на короткое время овладѣвшій нижегородскимъ престоломъ, братъ его — Борисъ, удѣльный князь городецкій. „Тогожъ году князь Борисъ Константиновичъ въ Нижнемъ-Новѣ-Градѣ повелѣ ровъ копать, гдѣ быть каменной градовой стѣнѣ и башнямъ“, — говорится въ Нижегородскомъ Лѣтописцѣ подъ 1359 годомъ. Борисъ успѣлъ только начать земляныя работы. Сто слишкомъ лѣтъ спустя послѣ построения Дмитровской башни Иванъ III приступилъ было къ окончательному построению каменныхъ стѣнъ, но и на этотъ разъ далѣе опять лишь отдѣльной цитадели дѣло не пошло. Эта цитадель, нынѣ Ивановская башня съ воротами, находящаяся въ подгорной части кремля, обращена къ Волгѣ, въ ту сторону, откуда въ XV и XVI столѣтіяхъ главнымъ образомъ стало грозить бѣдой, тогда какъ, построенная въ XIV вѣкѣ, Дмитровская — обращена въ противоположную сторону, туда, откуда главнымъ образомъ въ ту пору приходилось ждать набѣговъ, — въ сторону лѣсныхъ дебрей побережья Оки, заселенныхъ мордвой, всегдашней союзницей татаръ. Такимъ образомъ Ивановская башня, построенная незадолго до окончательнаго построения кремлевскихъ стѣнъ, вмѣстѣ съ остальнымъ кремлемъ относится къ эпохѣ борьбы съ Казанью и служитъ памятникомъ этой эпохи. Дмитровская же служитъ памятникомъ той поры, когда съ одной стороны приходилось защищаться отъ набѣговъ еще долго не могшей

NISEN-NAGOROD

Нижній-Новгородъ въ XVII вѣкѣ.
Рисункъ Адама Олеарія.

забыть своего разоренія мордвы, съ другой—отъ простирившей на всѣ сосѣднія княжества властной руки Москвы, путь отъ которой къ Нижнему опять былъ не съ Волги, а съ Оки.

Дмитровская башня, древнѣйшая изъ башенъ кремлевскихъ, въ 1895 году реставрированная профессоромъ Султановымъ, утратила окончательно и тотъ прежній видъ, который она имѣла до того съ конца XVIII столѣтія. Реставрируя башню, Султановъ сдѣлалъ превосходную поддѣлку подъ старину, но, къ сожалѣнію, только лишь на основаніи своей личной фантазіи, т. к. никакихъ данныхъ о первоначальномъ древнемъ видѣ этой башни не имѣется. Тогда же, по мысли губернатора Баранова, приспособленная для мѣстнаго городского Художественно-Историческаго музея, башня эта оказалась въ результатѣ всетаки вполне негодной къ такому назначенію по своей тѣснотѣ и темнотѣ. Музей пришлось убрать изъ нея, башня же, приспособленіе которой обошлось до тридцати слишкомъ тысячъ, остается теперь пустой.

Ивановская башня, какъ памятникъ старины, сохранилась въ большей неприкосновенности. Она заключаетъ въ себѣ много таинственнаго. Въ официальныхъ документахъ древности, какъ напримѣръ, актахъ по сдачѣ городского имущества однимъ воеводой другому и даже въ писцевыхъ книгахъ, о внутреннемъ устройствѣ ея, о расположеніи ея камеръ и подземелій вездѣ говорится глухо, тогда какъ внутреннее расположеніе другихъ башенъ описывается въ мельчайшихъ подробностяхъ. Очевидно, внутреннее устройство ея составляло секретъ. Между прочимъ, въ древности она служила политической тюрьмой,—въ ея казематахъ немало пересидѣло раскольничьихъ ересіарховъ, главныхъ и важнѣйшихъ политическихъ преступниковъ конца XVII и начала XVIII столѣтій.

Набѣгъ Махметъ-Аминя въ 1505 году, когда Нижній-Новгородъ едва устоялъ противъ непріятеля, побудилъ, наконецъ, принять рѣшительныя мѣры къ укрѣпленію города. 1 сентября 1508 года сдѣлана была закладка, къ 1510 году кремль былъ оконченъ. Строителями нижегородскаго кремля были иностранные зодчіе Пьедро Франческо, прозванный у насъ на Руси Петромъ Фрязинымъ и ученикъ его—Займонтане. По преданію, начало построенія кремля на этотъ разъ положено было сооруженіемъ Коромысловой башни. Кому неизвѣстна полная потрясающаго трагизма поэтическая легенда, связанная съ построеніемъ этой башни? Легенда эта, послужившая темой для одного изъ лучшихъ стихотвореній Навроцкаго, повѣствуетъ о томъ, какъ подъ основаніе башни была зарыта живою молодая жена посадскаго, шедшая мимо съ коромысломъ и ведрами за водой на рѣчку Почайну, рѣчку, отъ которой теперь и слѣда нѣтъ и которая протекала въ ту пору у самага подножія того крутого утеса, на которомъ и до сей поры стоитъ эта башня.

Къ Коромысловой башнѣ приурочена и другая легенда,— о томъ, какъ во время одного изъ татарскихъ набѣговъ, когда кремль былъ окруженъ несмѣтной силой непріятеля и русскія войска, защищавшія кремль, не рѣшались двинуться въ наступленіе, шедшая на Почайну за водой баба ударомъ коромысла убила наповалъ набросившагося на нее татарина, что послужило сигналомъ къ наступленію, послѣ чего непріятель былъ отраженъ. Но какъ первая, такъ и вторая легенды едва-ли не вымышлены въ позднѣйшее время и лишь приурочены къ названію башни.

Два старинныхъ рисунка, одинъ XVII столѣтія, Адама Олеарія, другой начала XVIII вѣка—Корнелія-де-Бруина, изображающихъ Н.-Новгородъ, даютъ довольно слабое

представленіе о томъ, каковъ былъ видъ нижегородскаго кремля въ древнія времена. Въ концѣ XVIII столѣтія онъ былъ обезображенъ во время ремонта 1788—1790 г.: разобраны обѣ цитадели (Дмитровская и Ивановская) и двѣ башни въ нижней части кремля (Духовская и Симеоновская)—сняты до половины зубцы со стѣнъ.

Въ древности кремль весь былъ застроенъ. Кромѣ двухъ соборовъ и несуществующей теперь церкви Скорбящей Божіей Матери, въ немъ были: три монастыря, нѣсколько монастырскихъ подворій, воеводскій дворъ, государевъ житный дворъ, сѣзжая изба, губная изба, дьячій дворъ, панской дворъ, тюрьма, богадѣльня, девять лавокъ; было множество обывательскихъ домовъ, а между ними близъ Спасскаго собора и сѣзжей избы жалованные дома Кузьмы Минина и его сподвижника—протопопа Саввы Евфимьева, два дома вдовы свергнутаго царя Василя Шуйскаго—царицы Маріи Петровны: одинъ въ верхней части кремля, другой въ нижней, близъ Ивановскихъ воротъ и губной избы; дома князей Пожарскихъ—Дмитрія Михайловича и Федора Ивановича, брата Кузьмы Минина Безсона, князя Черкаскаго, бояръ: Шереметьевыхъ, Шеина, Лыкова-Оболенскаго, Морозова, Остренева, Алябьева, Воротынскаго, Плещеева, Измайлова, Головина, Лобанова-Ростовскаго, Куракина, Жедринскаго, Ладыгина и множество другихъ, преимущественно т. н. „осадныхъ домовъ“,—служившихъ убѣжищемъ на случай осады. Всѣхъ обывательскихъ домовъ по переписи 1621 г. въ кремлѣ было 372, изъ нихъ 180 принадлежали ратнымъ служилымъ людямъ и вообще несущимъ „государеву службу“.

Обывательскими домами кремль былъ застроенъ до тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ 1835 г. всѣ эти постройки снесены, упразднены монастыри, уничтожены

монастырскія подворья. Къ тому времени въ кремлѣ уже находились, построенные въ концѣ XVIII столѣтія, существующіе и понынѣ: зданіе присутственныхъ мѣстъ, сначала служившее квартирой намѣстника и приспособленное къ теперешнему его назначенію въ 1809 г., зданіе казармъ стрѣлковаго карабинернаго полка, построенное въ 1782 г., расширенное и перестроенное въ 1827 г., куда въ 1864 г. былъ переведенъ изъ Новгородской губ. мѣстечка Аракчеевки первый провинціальный, нынѣ именуемый Графа Аракчеева, кадетскій корпусъ, зданіе военного лазарета. Къ этимъ уже существовавшимъ еще построено въ 1835 г. зданіе арсенала и теперешнее зданіе дворца съ квартирой въ немъ губернатора, взамѣнъ прежняго губернаторскаго дома на Б.-Покровской улицѣ противъ дворянскаго собранія, гдѣ въ настоящее время стоитъ зданіе окружнаго суда.

Кремлевскія стѣны на этотъ разъ опять ремонтировались. Слишкомъ триста лѣтъ стояли крѣпкія стѣны, построенныя мастерами XVI вѣка, но послѣ починки въ 1839 году мастерами XIX вѣка рухнули въ нижней своей части. Въ настоящее время эта часть кремлевскихъ стѣнъ, прилегающая къ дворцовому саду, представляетъ собой довольно живописныя развалины. Теперешній кремль нижегородскій имѣетъ четверо проѣздныхъ воротъ и трое пѣшеходныхъ, а всѣхъ башенъ 11,—какъ нарочно, столько же, сколько уѣздовъ въ Нижегородской губерніи, и замѣчательное совпаденіе: до „реставрацій“ XVIII вѣка, когда кремль имѣлъ 13 башенъ—и тогдашняя губернія имѣла 13 уѣздовъ. Всѣ кремлевскія башни имѣютъ 3 боя.

Подъ стѣнами кремля, какъ обнаружено недавно произведенными изслѣдованіями, идутъ подземные ходы; отъ Ивановской башни открыто начало подземнаго хода

въ сторону подъ Часовую гору внутрь кремля. Въ народѣ давно ходили слухи о существованіи этихъ ходовъ; между прочимъ, говорятъ и до сихъ поръ о потайномъ подземномъ выходѣ изъ Архангельскаго собора въ Тайницкую башню. Есть и мало вѣроятныя легенды; на примѣръ, о томъ, что кремль соединенъ подземнымъ ходомъ съ Печерскимъ монастыремъ, находящимся въ разстояніи не менѣе 5 верстъ; говорятъ даже о подземномъ ходѣ изъ кремля подъ Волгу къ селу Толоконцеву, отстоящему отъ Нижняго на 15—20 верстъ. Рассказываютъ, наконецъ, о какомъ-то подземномъ ходѣ отъ Благовѣщенскаго монастыря за Оку.

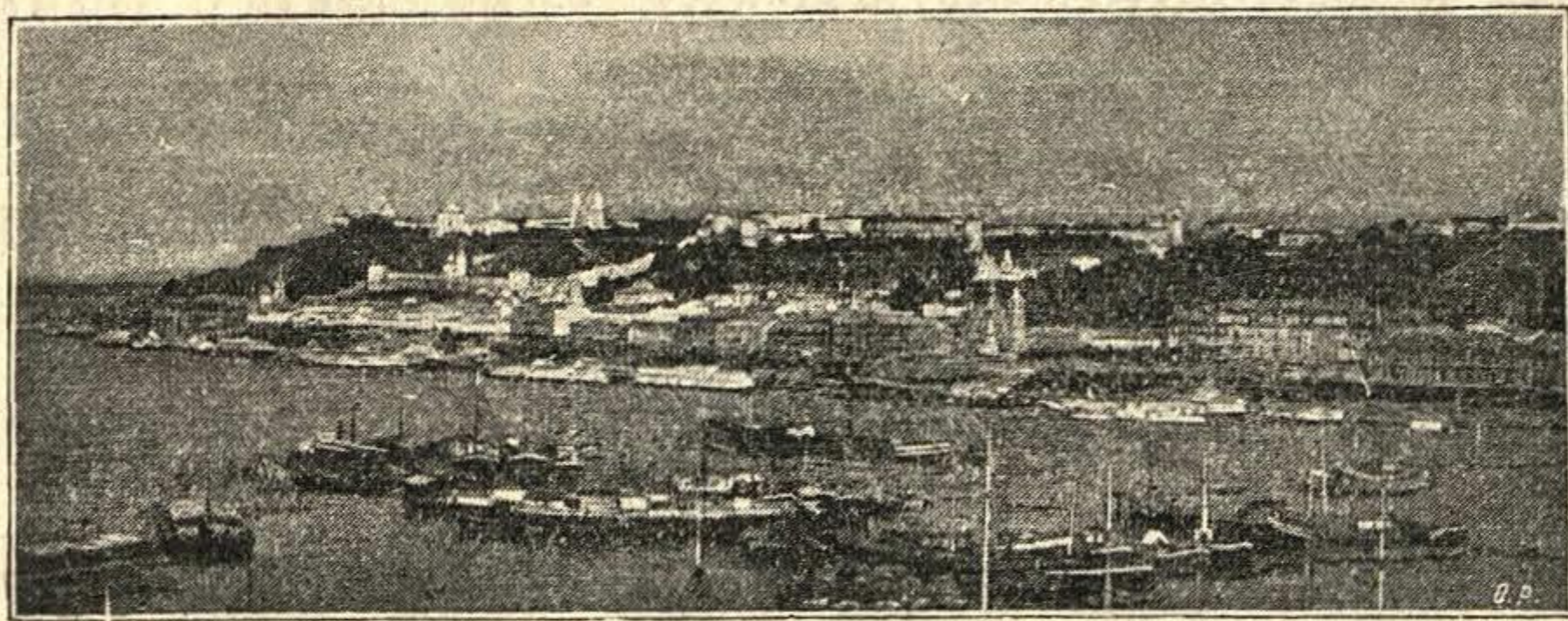
Какъ всѣ русскіе города въ древности, Н.-Новгородъ состоялъ собственно изъ „города“, т. е. крѣпости, и окружавшихъ эту крѣпость посадовъ, которыхъ въ Нижнемъ было два—верхній и нижній; къ посадамъ примыкали слободы, которыхъ встарину вокругъ Нижняго было до десяти: Благовѣщенская, Печерская, Духова, гдѣ жили по преимуществу нищіе бобыли, Стрѣлецкая, Ямская, Нѣмецкая, Панская, или Литовская. Сверхъ того, за Окой—Кунавина и Дудина слободы. Въ писцевой книгѣ упоминается о какой-то Вязломской слободѣ, вѣроятно, на рѣкѣ Вязломѣ за Волгой, не доѣзжая нынѣшняго села Боръ. Кромѣ того къ городу же принадлежалъ за Окою погостъ Молитовскій.

Кромѣ кремлевскихъ каменныхъ стѣнъ, часть посадовъ была окружена деревянными стѣнами, обнимавшими собой всю болѣе центральную часть теперешняго города, что составляло т. н. Большой, или Старый острогъ, названный такъ въ отличіе отъ Новаго острога, построеннаго въ 1619 г. присланнымъ для того въ Нижній бояриномъ Лыковымъ-Оболенскимъ и обнимавшаго собой значительно

меньшую площадь. Оба острога въ стѣнахъ имѣли башни въ два боя. Остатки новаго острога уцѣлѣли донинѣ въ видѣ валовъ на дворѣ архіерейскаго дома.

По самому топографическому положенію своему Н.-Новгородъ раздѣляется на двѣ части: верхнюю, расположенную наверху горнаго берега Оки и Волги, т. н. Верхній Базаръ, встарину—Верхній посадъ и нижнюю—Нижній Базаръ, или, по старому, Нижній посадъ, который тянется узкой полосой вдоль самаго урпеса Оки. Верхняя часть города, въ свою очередь, раздѣлена на двѣ части глубокимъ Почаинскимъ оврагомъ, по дну котораго струилась рѣчка, названная самимъ основателемъ Нижняго Почайной.

Такое названіе, данное рѣчкѣ, заставляетъ думать, что Георгій Всеволодовичъ въ эту пору былъ по-

Видъ на Нижній-Новгородъ съ Оки.

лонъ дорогихъ ему воспоминаній о Кіевѣ. И дѣйствительно, существуетъ преданіе, что вскорѣ послѣ завоеванія устья Оки, объѣзжая свои новыя владѣнія, Георгій Всеволодовичъ былъ пораженъ красотою Дятловыхъ горъ, напомнившихъ ему Кіевскія высоты, что будто бы и побудило его основать здѣсь городъ.

Разумѣется, не одна красота мѣстности была причиной основанія Нижняго-Новгорода.

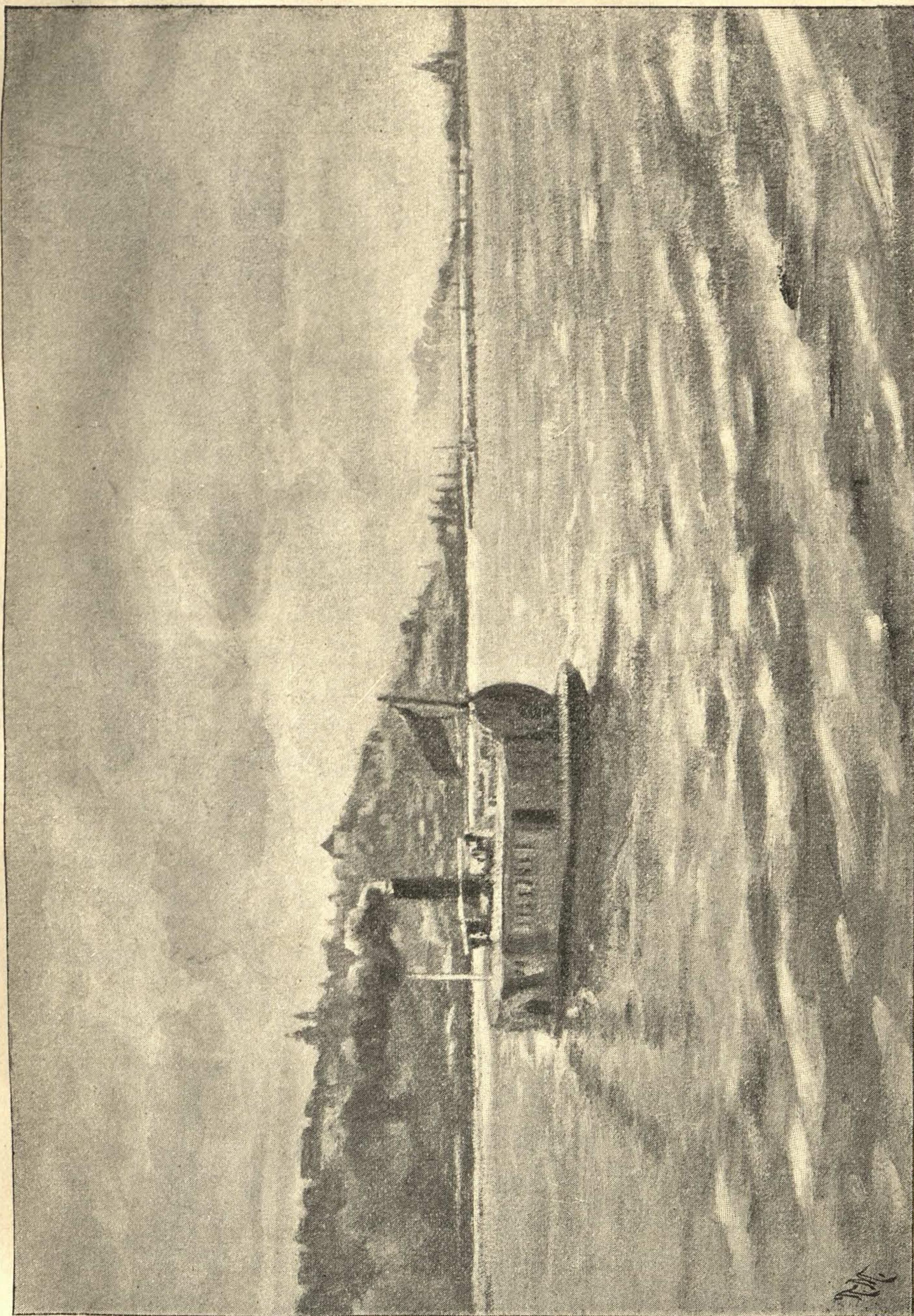
По самымъ природнымъ условіямъ, на такомъ мѣстѣ, какъ устье Оки, гдѣ сливаются два великихъ водныхъ пути, не могло не возникнуть города или по крайней мѣрѣ

K/3302
~~5570~~
~~8510/2~~

большого сельбища, — то или другое должно было возникнуть само собою лишь въ силу самаго географическаго положенія мѣстности. Даже трудно предположить, чтобъ здѣсь не было города или сельбища и задолго до основанія „Нова-Града“ Георгіемъ Всеволодовичемъ. Да укрѣпленное становище и было на этомъ мѣстѣ, принадлежащее мордвѣ, — т. н. Абрамово городище, о завоеваніи котораго въ 1171 г. Мстиславомъ Андреевичемъ, сыномъ Боголюбскаго, существуетъ цѣлая легенда. Но одинъ изъ изслѣдователей исторіи Нижегородскаго края, П. И. Мельниковъ, дѣлаетъ предположеніе о существованіи здѣсь до основанія Нова-Града Низовскаго святымъ Георгіемъ русскаго города и указываетъ его мѣсто — на вершинѣ Гремячей горы, тамъ, гдѣ теперь стоитъ гостиница Восточнаго Базара, противъ плашкоутнаго моста черезъ Оку, рядомъ съ существовавшимъ уже тогда Благовѣщенскимъ монастыремъ, по лѣтописному извѣстію, разореннымъ мордовскимъ княземъ Пургасомъ въ 1227 г., т. е. вскорѣ, не болѣе 5—6 лѣтъ спустя послѣ основанія „Нова-Града“, теперешняго Нижняго. Этотъ „старый Нижній“ былъ, очевидно, небольшимъ острогомъ, который, по мнѣнію того же изслѣдователя, существовалъ по крайней мѣрѣ до половины XV столѣтія и именовался „Меньшимъ городомъ“, или „Малымъ острогомъ“, въ которомъ въ 1445 г. во время вторженія Улу Махмета, засѣвшаго въ кремль, отсиживались въ теченіе года нижегородскіе воеводы князь Долголядовъ и Юшка Драница. По мнѣнію же другихъ знатоковъ мѣстной исторіи, „Меньшимъ городомъ“ считать надо Дмитровскую цитадель, что едва-ли правильно.

Рѣчка Почайна когда-то протекала у самаго подножья крутого утеса, на вершинѣ котораго и до сихъ поръ красуется кремль нижегородскій; древнія, обветшавшія башни его съ высоты этого утеса задумчиво смо-

Видъ на Нижній-Новгородъ съ Волги.

тратъ на Волгу,—все такъ же, какъ и четыреста лѣтъ назадъ, изъ синѣющей непроглядной дали несущую свои воды къ Нижнему-Новгороду, смотрятъ и на противоположный берегъ Почайны, съ одной стороны по крутому склону живописно поросшіи старыми вязами, изъ-за вершинъ которыхъ выглядываютъ голубыя главки церкви Женъ-Мироносицъ, а съ другой—откуда среди множества крышъ виднѣются и блещутъ на солнцѣ золотыя маковицы церкви Ильи Пророка. И та и другая церковь памятны въ нижегородской исторіи.

Въ приходѣ первой изъ нихъ, существовавшей уже въ XV вѣкѣ и въ настоящемъ видѣ, хотя и съ значительными позднѣйшими искаженіями, существующей съ 1649 г., родились два святителя земли русской—святой Макарій Желтоводскій, основатель Макарьевского монастыря на Волгѣ, извѣстнаго болѣе по происходившей подъ его стѣнами знаменитой Макарьевской, теперь Нижегородской ярмаркѣ, и святой Евфимій Суздальскій, основатель Спасо-Евфимьевскаго монастыря въ Суздали, гдѣ находится гробница князя Д. М. Пожарскаго въ родовой усыпальницѣ его предковъ.

Съ другой церковью—Ильи Пророка связано цѣлое историческое воспоминаніе, памятникомъ котораго она и служить.

Въ 1505 году Нижній едва не постигло страшное бѣдствіе Махметъ-Аминь неожиданно вторгся въ нижегородскіе предѣлы и 4 сентября внезапно подступилъ къ Нижнему. Тщетно доблестный воевода Хибаръ Симскій дѣлалъ вылазки, пытаясь отразить непріятеля. Для открытаго боя силы слишкомъ были неравны. Воевода рѣшился было уже сѣсть на осадное сидѣніе, какъ вспомнилъ, что въ Нижнемъ находятся нѣсколько плѣнныхъ желнорянь-литовцевъ, „огненныхъ стрѣльцовъ“. Эти плѣнники уже

пять лѣтъ, какъ томились въ темныхъ сырыхъ подземельяхъ. Были въ Нижнемъ и отобранныя у нихъ пушки, но не было никого, кто умѣлъ бы обращаться съ ними. Пришлось прибѣгнуть къ помощи плѣнныхъ. Хибаръ Симскій обѣщаль имъ всѣмъ свободу, если кто-нибудь изъ нихъ возьмется стрѣлять изъ пушекъ. Вызвался литовецъ, по лѣтописному прозвищу,—Федя Литвичъ. И вотъ съ незадолго до того построенной Ивановской стрѣльницы грянулъ первый въ Нижнемъ пороховой выстрѣлъ. Онъ былъ такъ мѣтко направленъ, что, ударивъ въ палатку самого Махмета-Аминя, разметалъ ее и на его глазахъ убилъ одного изъ его приближенныхъ. Невидѣвшіе дѣйствія огне-стрѣльнаго оружія нагайцы въ паническомъ страхѣ бросились въ бѣгство, и Нижній былъ спасенъ. Въ память этого событія на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла палатка Махмета-Аминя, построена была церковь во имя Ильи Пророка сначала деревянная, затѣмъ перестроенная въ каменную уже въ 1655 году. Въ семидесятихъ годахъ ХІХ столѣтія она была сильно искажена передѣлками и пристройками, превратившись при этомъ изъ одноглавой въ пятиглавую.

Тутъ же по склону почайнскаго оврага, недалеко отъ церкви Женъ-Мироносицъ, совсѣмъ спрятавшись за другими строеніями, стоитъ старинный домъ, въ концѣ ХVІІ столѣтія принадлежавшій нѣкому Чапарину, или Чатыгину, въ которомъ, по преданію, останавливался Петръ Великій на пути во второй азовскій походъ въ 1695 г. Въ настоящее время домъ этотъ находится въ пользованіи мѣстнаго рѣчного училища.

Въ этой же започайнской сторонѣ города, за Щепачевымъ, или Щепагинымъ, дворомъ, какъ называлась въ древности мѣстность, гдѣ находится церковь Женъ-Мироносицъ, близъ Пѣтушкова монастыря, теперь церкви Сергія, по старому—въ Телячьей слободкѣ, теперь Языковомъ пе-

реулкѣ, составляющемъ продолженіе Телячьей улицы, стоитъ другой старинный домъ, по преданію, связанный съ воспоминаніемъ о второмъ посѣщеніи Петромъ Великимъ Н.-Новгорода въ 1722 году на пути въ шемахинскій походъ. Въ то время домъ этотъ принадлежалъ одному изъ нижегородскихъ бургомистровъ—Якову Пушникову, гостемъ у котораго Петръ Великій съ Императрицей Екатериной пировалъ въ день своего пятидесятилѣтія, празднуя въ то же время и пятисотлѣтіе Нижняго-Новгорода. Домъ этотъ сохранился въ большей цѣлости: на окнахъ его уцѣлѣли старинные наличники, внутри на сводахъ рельефные орнаменты. Такіе знатоки мѣстной старины, какъ покойные П. И. Мельниковъ и А. С. Гацискій, указываютъ именно на этотъ домъ, авторъ же „Краткаго очерка исторіи и описанія Н.-Новгорода“—Н. И. Храмцовскій въ своихъ посмертныхъ неизданныхъ запискахъ указываетъ домъ этотъ въ другомъ мѣстѣ—близъ кремля, у Егорьевской башни, гдѣ теперь зданіе семинаріи. Впрочемъ, недавно найденъ одинъ архивный документъ, изъ котораго видно, что домъ Якова Пушникова находился именно въ Языковомъ переулкѣ, близъ церкви Сергія.

Благовѣщенскую площадь Верхняго Базара, на которой сосредоточены многія казенныя и общественныя учрежденія, какъ городская дума, женская гимназія, почтовая контора, мужская гимназія, коммерческое училище, торговая школа и другія, непрерывной дугой огибающія ее зданія, можно было бы назвать центромъ города,—на эту площадь выходятъ и всѣ главнѣйшія улицы, если бъ этотъ центръ въ топографическомъ отношеніи не приходился совсѣмъ набоку, примыкая къ самой стѣнѣ кремля, которая, обогнувъ кручу надъ Зеленскимъ сѣздомъ, отъ Часовой башни начинается сбѣгать уступами къ самой

Волгѣ, за которой уже зеленѣютъ поемные луга сосѣдняго Семеновскаго уѣзда.

Среди Благовѣщенской площади стоятъ двѣ церкви, окруженныя скверами—церковь Алексѣя Митрополита и Благовѣщенскій соборъ. Первая изъ нихъ ничѣмъ не замѣчательна ни въ историческомъ, ни въ археологическомъ отношеніяхъ. Благовѣщенскій же соборъ, отчасти, и до настоящаго времени не вполнѣ утратилъ видъ старины. Теперешнее зданіе его, значительно пострадавшее отъ разныхъ передѣлокъ и пристроекъ, существуетъ съ XVII вѣка, но по времени основанія церкви эта относится къ XIV столѣтію, ко времени самостоятельности великаго княжества Нижегородскаго,—въ древности—церковь Дмитрія Солунскаго, построена она великимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ.

Рядомъ съ Благовѣщенскимъ соборомъ стоитъ недавно открытый памятникъ Императору Александру II, въ художественномъ отношеніи не представляющій собою ничего выдающагося.

Памятникъ этотъ стоитъ противъ Дмитровской башни кремля, о которой говорилось уже выше и которая связана съ дорогимъ воспоминаніемъ о посѣщеніи Н.-Новгорода и этой башни, съ помѣщавшимся въ ней Художественно-Историческимъ музеемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ въ 1896 году.

Гораздо интереснѣе Благовѣщенскаго собора, находящаяся недалеко отсюда, на Верхне-Волжской набережной, церковь Георгія—почти въ неприкосновенности сохранившійся, довольно типичный образчикъ т. н. нарышкинскаго стиля послѣднихъ годовъ XVII и начала XVIII столѣтій.

Отсюда начинается знаменитый нижегородскій откосъ, куда обыкновенно всякій впервые попавшій въ Н.-Новго-

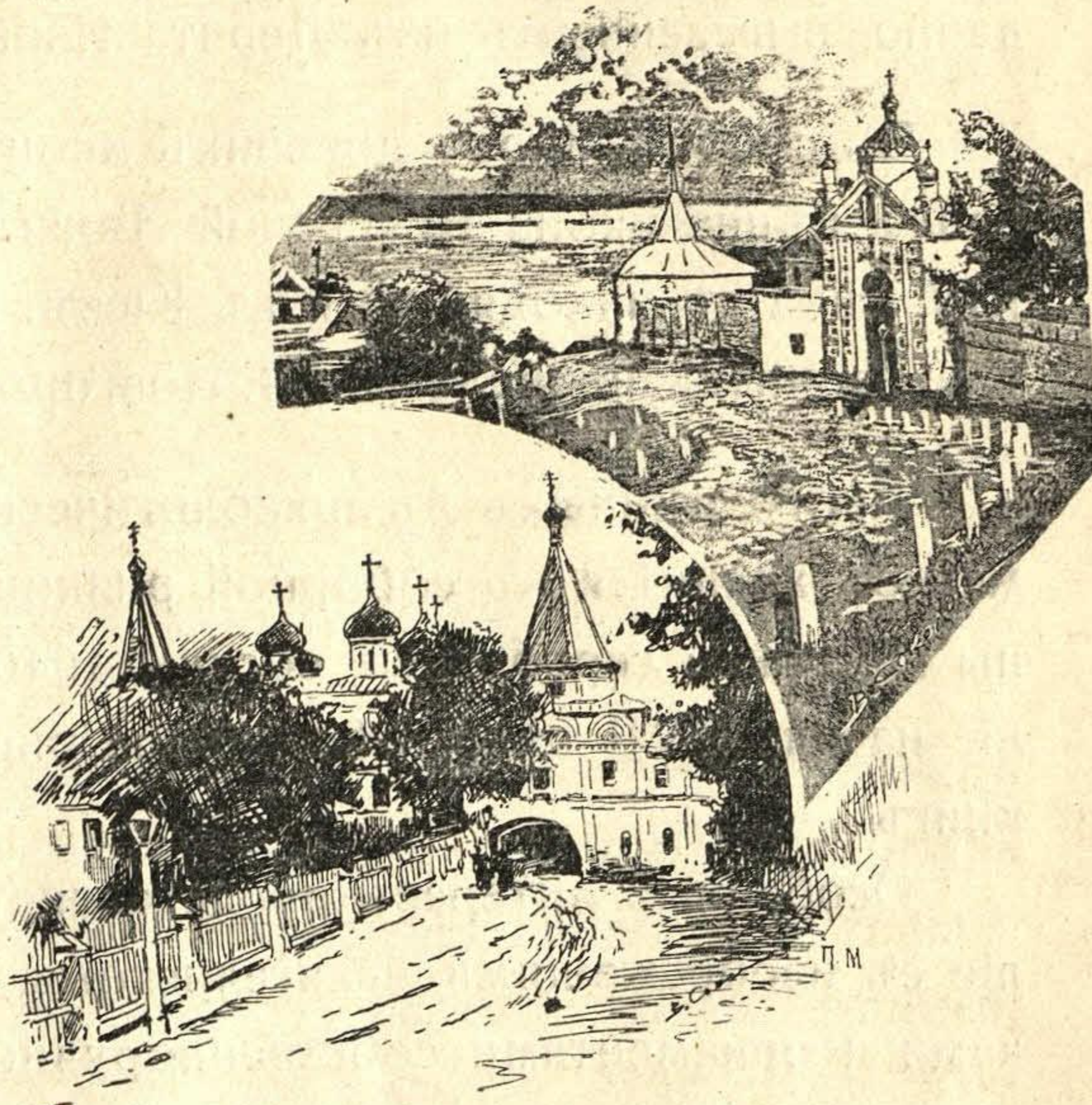
родъ спѣшитъ полюбоваться чудной панорамой Заволжья и особенно необычайной красоты видомъ на Печерскій монастырь, расположенный близъ города въ полугорѣ надъ Волгой.

Первоначальное основаніе Печерскаго монастыря относится ко времени Ивана Калиты. Основанъ онъ въ XIV вѣкѣ выходцемъ изъ Кіева, архимандритомъ Діонисіемъ, впоследствии епископомъ суздальскимъ.

Основанный Діонисіемъ монастырь находился нѣсколько ниже по теченію Волги, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ церковь с. Дальнихъ Печоръ. Въ 1597 г. оползнемъ горы монастырь былъ разрушенъ. Нижегородскій лѣтописецъ съ видимымъ ужасомъ подробно описываетъ это страшное стихійное явленіе и видитъ въ немъ предвѣстіе грядущихъ бѣдъ, дѣйствительно спустя недолгое время постигшихъ русскую землю, вслѣдъ за прекращеніемъ рода Калиты и наступленіемъ Смутнаго времени.

Вскорѣ послѣ разрушенія монастырь былъ возобновленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находится и въ настоящее время.

Изъ пяти церквей монастыря достойны особеннаго вниманія: во-первыхъ, Вознесенскій соборъ—сооруженіе знаменитаго Антипы Возоулина. Архитектура этого собора

Печерскій монастырь.

сохранилась почти въ полной неприкосновенности со времени его построения въ 1632 г. Во-вторыхъ, церковь Успения, примыкающая къ собору, построенная въ 1648 году, и, наконецъ, небольшая одноглавая съ шатровымъ верхомъ церковь надъ воротами во имя Евфимія Суздальскаго, уроженца Н.-Новгорода.

Вознесенскій соборъ обнесенъ открытой галлереей, къ которой примыкаетъ небольшая колокольня съ висящимъ на ней т. н. мекленбургскимъ колоколомъ, по преданію, вывезеннымъ изъ Дерпта Иваномъ Грознымъ.

Въ соборѣ много древнихъ иконъ, изъ которыхъ особенно цѣнна икона Печерской Божіей Матери, списокъ XIV вѣка съ находящейся въ Кіевѣ. Съ этой иконой святой Діонисій пришелъ въ Н.-Новгородъ.

Много цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ хранится въ соборной ризницѣ; особенно достойны вниманія: серебряные сосуды 1646 г., древнее Евангеліе начала XVII вѣка, нѣсколько Синодиковъ и вкладныхъ книгъ.

Особенный интересъ представляетъ старинное Евангеліе съ изображеніями евангелистовъ, заставками, концовками и орнаментами собственноручной работы нижегородскаго соборнаго протопопа Саввы Евфимьева, сподвижника Минина въ дѣлѣ народнаго воззванія 1611 г.

Но самая рѣдкая драгоцѣнность здѣсь—это т. н. Синодикъ Ивана Грознаго 1552 г., гдѣ записаны имена всѣхъ опальныхъ.

На крутомъ выступѣ горнаго берега, утопая въ зелени окружающихъ его фруктовыхъ садовъ, надъ самой Волгой стоитъ этотъ древній монастырь. Надъ нимъ и подъ нимъ зеленя кручи, у подошвы которыхъ пестрѣютъ лачуги

городского предмѣстья; передъ нимъ широкій плесъ Волги, зеленые острова, желтыя песчанья отмели; по широкой водной глади движутся караваны судовъ.

Разселина горнаго берега образуетъ здѣсь глубокой оврагъ, который отдѣляетъ городъ отъ т. н. Печерскихъ выселокъ, прилегающихъ къ самому монастырю. По эту сторону, внизу подъ откосомъ узкой полосой вдоль берега Волги тянется Фабричная слобода съ судостроительнымъ механическимъ заводомъ Курбатова, гдѣ въ 1861 г., путешествуя по Волгѣ, въ сопровожденіи извѣстнаго писателя, нижегородскаго уроженца, П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго), покойный Наслѣдникъ престола Николай Александровичъ, посѣтивъ этотъ заводъ, принадлежавшій тогда купцу И. С. Колчину, собственноручно выковалъ на немъ желѣзный болтъ. Этотъ болтъ, выкованный Августѣйшимъ Сыномъ Царя-Освободителя, и до сихъ поръ хранится на заводѣ въ особой витринѣ.

Отъ Курбатовскаго завода начинаются волжскія пристани, а далѣе—Нижній Базаръ.

Изстари-вѣковъ Нижній посадъ былъ самой бойкой торговой частью Нижняго. Мѣсто близъ Ивановскихъ воротъ и до сихъ поръ удержало свое древнее названіе: „На торгу“; въ древности это было самое людное мѣсто въ городѣ, гдѣ съ утра до вечера толпился народъ. Здѣсь были лавки краснаго товара, тутъ же стояло лобное мѣсто, съ котораго объявлялись народу правительственныя извѣстія. За отсутствіемъ газетъ на такихъ людныхъ площадяхъ встарину узнавались всякія политическія новости, передававшіяся изъ устъ въ уста. Здѣсь же у Ивановскихъ воротъ находилась и земская изба.

Совсѣмъ затерявшись среди окружающихъ ее многоэтажныхъ домовъ, стоитъ теперь здѣсь небольшая церковь Николы-на-торгу. Перестроенная заново въ XIX сто-

лѣтѣи, въ настоящее время она не представляетъ собой ничего интереснаго въ археологическомъ отношеніи, но по времени первоначальнаго своего основанія, построенная въ концѣ XIV вѣка великимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ, это—одна изъ древнѣйшихъ церквей Н.-Новгорода. Съ высокой паперти этой церкви, тогда деревянной, по преданію, дѣлалъ свое знаменитое воззваніе Мининъ.

Нижній Базаръ состоитъ собственно изъ одной длинной Рождественской улицы, которая тянется отъ Ивановской башни до ниже-базарной Благовѣщенской площади; нѣсколько переулковъ соединяютъ эту улицу съ Окской набережной, вдоль которой идутъ волжскія пассажирскія паромныя пристани, съ другой—шестью съѣздами и двумя элеваторами соединяется она съ верхней частью города.

Здѣсь самый замѣчательный памятникъ, хотя и не столь глубокой старины, т. н. Строгановская Рождественская церковь начала XVIII вѣка, единственный въ своемъ родѣ образчикъ зодчества эпохи Петра Великаго; она представляетъ собой образецъ наивысшаго развитія нарышкинскаго стиля; впрочемъ, черты, этого стиля, еще замѣтныя въ ней, уже въ значительной мѣрѣ теряются въ причудливой обработкѣ ея частей, такъ что архитектура этой церкви по ея уже значительной самобытности можно было бы отнести къ особому, своеобразному стилю, который умѣстнѣе всего назвать было бы „строгановскимъ“, такъ какъ тѣ своеобразныя черты, отличающія ее отъ другихъ сооруженій эпохи, присущи исключительно лишь церквамъ строгановской постройки, каковыхъ только три въ Россіи: Нижегородская Рождественская, церковь въ селѣ Гордѣвкѣ, примыкающемъ къ зарѣчной части Н.-

Новгорода, и церковь, находящаяся въ Сольвычегодскѣ Вологодской губерніи.

Построенная на средства „именитаго гостя“—Григорія Дмитріевича Строганова, Рождественская церковь освящена въ 1719 г. Особенно замѣчательнъ въ ней иконостасъ по своей изумительно тонкой рѣзбѣ; карнизы, наличники оконъ и другія части наружной отдѣлки представляютъ собой причудливую орнаментистику, высѣченную отъ руки изъ бѣлаго мячковскаго камня. Къ сожалѣнію, этотъ рѣдчайшій художественный памятникъ старины годъ отъ году приходитъ въ ветхость и требуетъ капитальнаго и притомъ осторожнаго, умѣлаго ремонта, средствъ же на этотъ ремонтъ нѣтъ, т. к. графы Строгановы, еще недавно заботившіеся о поддержаніи дивнаго сооруженія ихъ предка, теперь перестали давать средства на это.

Нижне-базарной Благовѣщенской площадью кончается Рождественская улица и далѣе начинается Благовѣщенская слобода, въ которой, по преданію, до 1613 года жилъ въ своемъ домѣ Мининъ. Здѣсь же жила развѣнчанная царевна Настасья—Марія Ивановна Хлопова, первая невѣста Царя Михаила Феодоровича. На этой

Плашкоутный мостъ черезъ Оку.

площади, у подошвы той кручи, на вершинѣ которой стоялъ въ древности, какъ думаютъ, „Меньшой городъ“, въ лѣтнюю пору во время ярмарки происходитъ постоянная суতোлка. Пѣшеходы, экипажи, трамваи, автомобили, цѣлыя непрерывныя вереницы обозовъ движутся во всѣхъ направленіяхъ съ волжскихъ и окскихъ пристаней къ плашкоутному мосту, соединяющему городъ съ ярмаркой. Грохотъ колесъ, громыханіе и лязгъ нагружаемаго и выгружаемаго товара, непрерывныя свистки пароходовъ, людской говоръ — все это сливается въ несмолкаемый гомонъ. А невдалекѣ съ высоты горнаго выступа окскаго берега черезъ крыши домовъ на эту суету пестрой движущейся толпы смотрятъ главы церквей древней обители, отъ времени своего основанія переживающей по крайней мѣрѣ восьмое столѣтіе. Это — Благовѣщенскій монастырь, возобновленный святымъ Алексѣемъ митрополитомъ въ XIV вѣкѣ на мѣстѣ еще болѣе древней обители, разоренной мордвой въ 1227 году.

Въ самомъ началѣ довольно крутого подъема къ монастырю, у Похвалинскаго съѣзда незамѣтно приютилась между домами небольшая часовня съ остроконечнымъ шатровымъ верхомъ. Часовня эта построена въ прошломъ столѣтіи на мѣстѣ бывшей здѣсь до того небольшой деревянной часовни надъ ключемъ, у котораго, по преданію, въ 1365 году, проѣзжая черезъ Нижній въ Орду, совершалъ трапезу св. Алексѣй митрополитъ.

Изъ пяти церквей Благовѣщенскаго монастыря въ большей неприкосновенности сохранилась церковь Благовѣщенія, построенная въ теперешнемъ ея видѣ въ 1647 г. Уцѣлѣвшіе кокошники и закоморы, обходы вокругъ храма, старинныя наличники оконъ, украшенія входныхъ дверей — все это дышетъ древностью.

Шатровыя покрытія сосѣдней Успенской церкви представляютъ собой рѣдкіе образчики лучшей поры такихъ

покрытій, подобно тому, какъ у Московской церкви Рождества-на-Путинкахъ или, напр., Казанской—Ивана Предтечи.

Величайшую драгоценность этого монастыря представляетъ древняя Корсунская икона Божіей Матери съ греческой надписью, изъ которой видно, что писана икона какимъ-то инокомъ Симеономъ въ 993 году. Изъ особенностей выраженія этой греческой надписи, а именно, вмѣсто словъ *χρῶμασι γράφο* употребленіе слова *ἱστορηθεῖσα*,—филологи выводятъ заключеніе, что икона эта писана для чего-нибудь, въ память чего-нибудь. Есть предположеніе, правда, весьма гадательное, что икона эта писана, будто бы, для Десятинной церкви, послѣ находилась въ Москвѣ и передана въ Благовѣщенскій монастырь, вѣроятно, при его возобновленіи Алексѣемъ митрополитомъ. Однако, изъ нѣкоторыхъ свойствъ той же надписи другіе готовы заподозрить подлинность самой иконы: надпись снабжена всѣми знаками удареній и придыханія, какъ въ современныхъ учебникахъ, чего не наблюдается въ древнихъ греческихъ надписяхъ.

Ризница монастыря когда-то обладала неоцѣненными сокровищами, какъ на примѣръ, хранившійся въ ней Кондарь XI вѣка. Куда дѣвался этотъ Кондарь, какъ и многое другое, теперь никто указать не можетъ. До сихъ поръ хранятся въ монастырской ризницѣ, замѣчательные по изяществу работы, древніе воздухи, поручи тканые золотомъ, начала XVII вѣка, древнія Евангелія и проч.

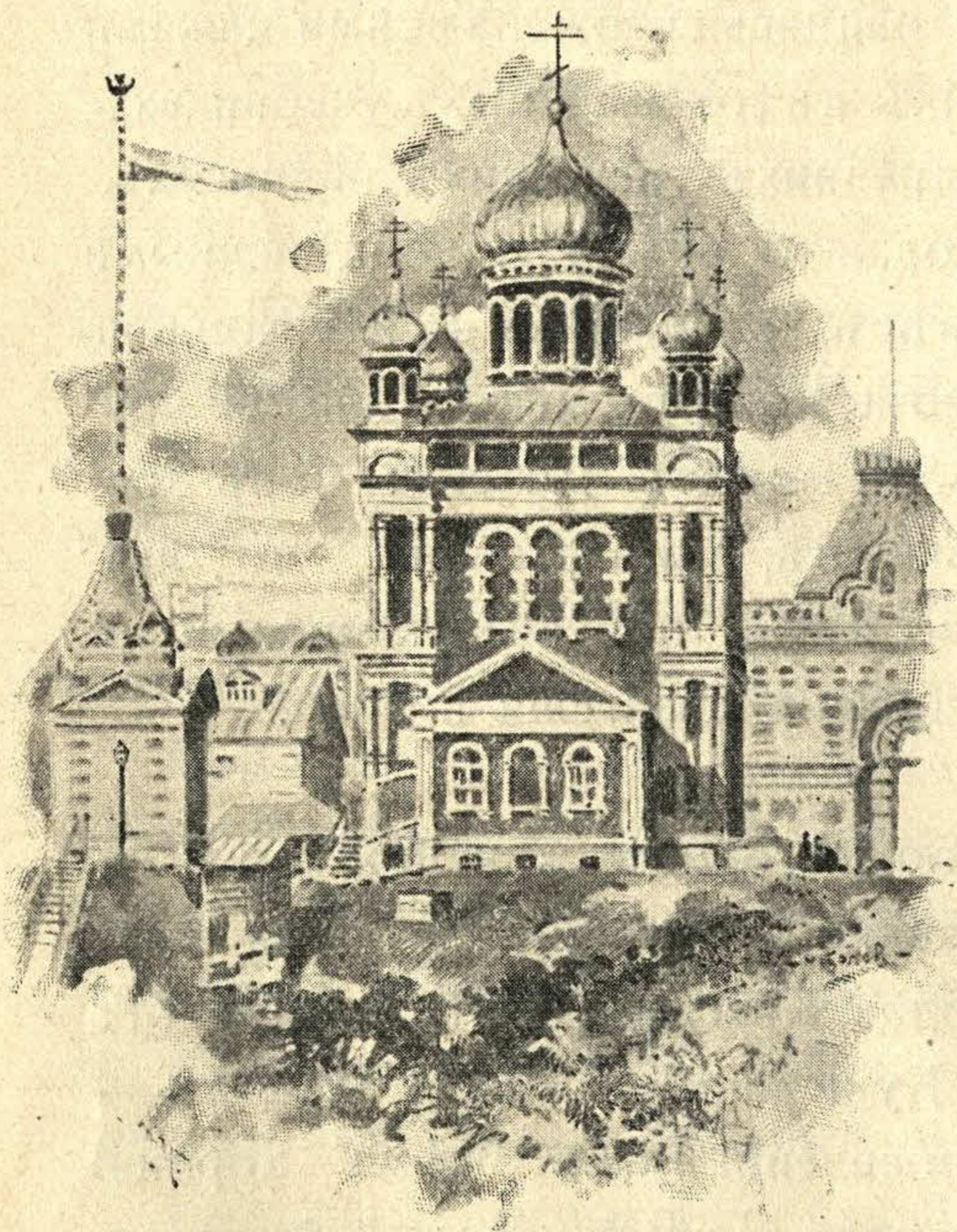
Совсѣмъ, какъ бы особый городъ, живущій своей отдѣльною жизнью, представляетъ изъ себя зарѣчная часть Нижняго, бывшая слобода „Кунавино“, отдѣленная отъ остального города Окой. Кунавино, какъ надо полагать,—одно изъ древнѣйшихъ поселеній края. Всѣмъ хорошо извѣстна Кунавинская легенда о кумѣ-чародѣйкѣ, содержательницѣ кабачка или постоялаго двора,—легенда, кото-

рой воспользовался Шпажинскій для своей драмы „Чародѣйка“, а Чайковскій для своей оперы того же названія. Слѣды установившагося издревле особаго уклада жизни веселой слободки замѣтны и теперь. Этотъ тихій, сонный, напоминающій уѣздное захолустье въ теченіе всего года, отрѣзанный уголъ Н. Новгорода лѣтомъ, съ открытіемъ подъ бокомъ у него ярмарки, совершенно мѣняетъ свою фізіономію, превращаясь въ мѣсто разгульнаго веселья.

Ярмарка Нижегородская—явленіе совершенно исключительное, ее нельзя сравнивать съ другими ярмарками, хотя бы, на примѣръ, съ Лейпцигской, въ значительной мѣрѣ зависящей отъ той же Нижегородской.

Во многихъ отношеніяхъ своеобразный укладъ внутренней государственной жизни изстари-вѣковъ сложился

Ярмарочная флажная часовня.

въ Россіи, къ которой потому и нельзя примѣнять мѣрки Запада. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ по одной столицѣ, по одному центру, въ которомъ сосредоточиваются органы высшей правительственной власти, какъ по внутреннему управленію страной, такъ и внѣшней политики. Въ Россіи—не одинъ центръ. Петербургъ столица — какъ центръ по преимуществу политической, Москва—какъ экономическій. Пе-

тербургъ—столица правительственная, Москва—столица экономическая, столица русской провинціи, русской деревни, объединяющій центръ всей рабочей и торговой Россіи въ торговомъ отношеніи. Связующимъ звеномъ между русской деревней, русской рабочей Россіей и Москвой въ значительной мѣрѣ служитъ Нижній съ его ярмаркой. Степень успѣха ярмарки является вѣрнымъ показателемъ экономического состоянія государства. Нижегородская ярмарка является необыкновенно вѣрнымъ и чуткимъ регуляторомъ экономического благополучія въ странѣ,—на одной или другой изъ множества ея пружинъ-щупалецъ всегда отражается нарушеніе экономического равновѣсія тамъ или здѣсь, во всемъ обширномъ государственномъ тѣлѣ.

Съ внѣшней стороны ярмарка тоже представляетъ собой нѣчто единственное въ мірѣ. Это—цѣлый, вполне благоустроенный городъ: съ электрическимъ освѣщеніемъ, со множествомъ фундаментальныхъ зданій, сплошь пестряющихъ разнообразными вывѣсками магазиновъ, съ двумя соборами, однимъ иновѣрческимъ и однимъ инославнымъ храмами, большими каменными зданіями театра и цирка, блестящими роскошью ресторанами, безконечнымъ множествомъ гостиницъ и номеровъ для пріѣзжающихъ, увеселительными садами, гипподромомъ для рысистыхъ бѣговъ,—городъ, по шумнымъ улицамъ котораго происходитъ непрерывное движеніе экипажей, трамваевъ, автомобилей; рядомъ съ русой бородой лопатой и синей чуйкой здѣсь можно встрѣтить и элегантнаго европейца и смуглаго азіата, желтолицаго китайца или японца рядомъ съ чалмой бухарца или феской персіанина и бараньей шапкой армянина. Все торопится, все спѣшитъ и суетится... И все это только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ году ярмарочнаго времени, съ 15 іюля по 10 сентября. Едва

пробилъ роковой часъ—полночь съ 10 на 11 сентября, какъ сразу по всей, уже, впрочемъ, опустѣвшей къ тому

Ярмарка. Александр-
Невская улица.

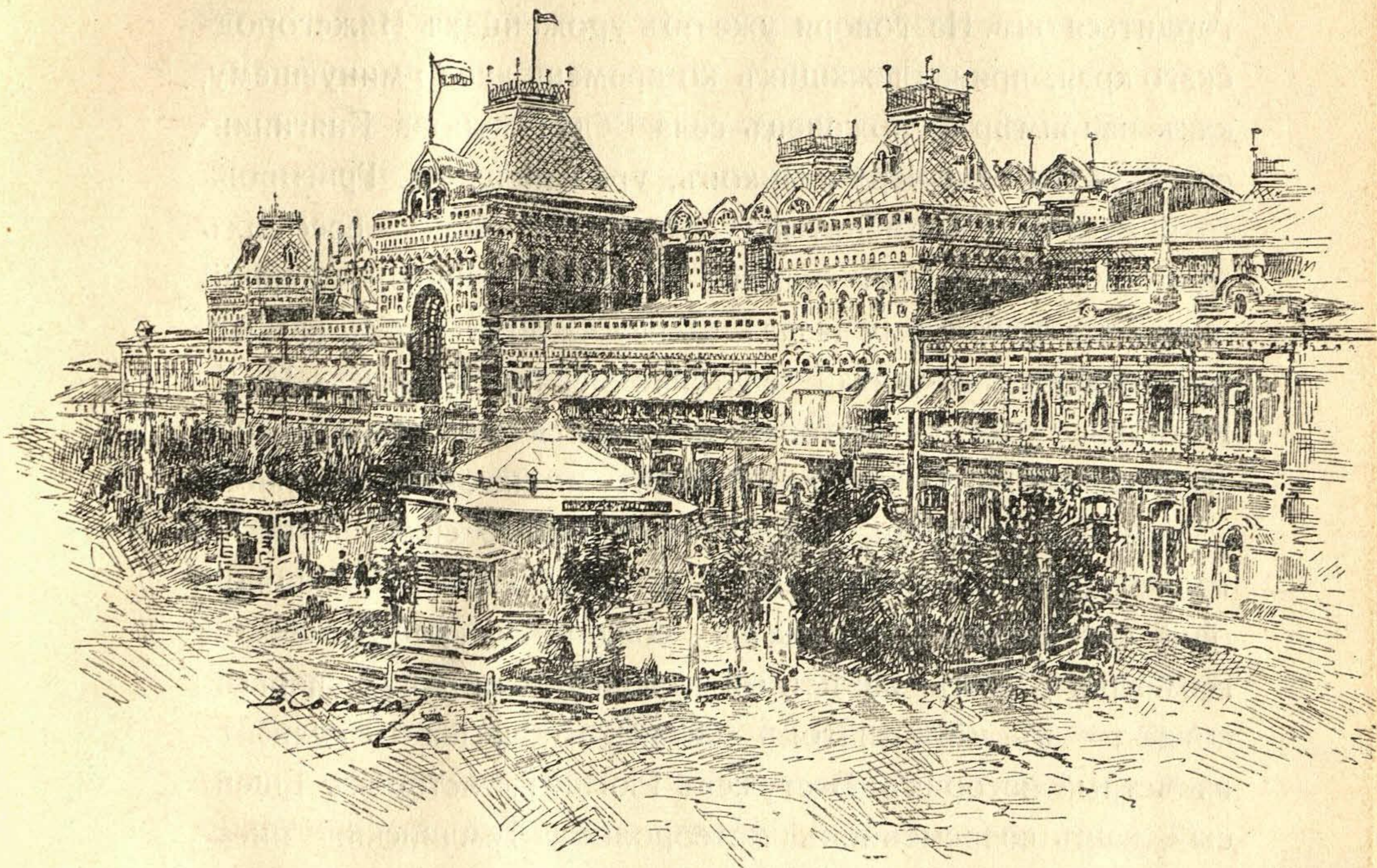
времени ярмар-
кѣ гаснетъ элек-
тричество, и не-
задолго до то-
го, еще за день,
еще наканунѣ
шумѣвшій мно-
голюдствомъ и
сверкавшій ог-
нями городъ,
какъ бы вол-

шебнымъ мановеніемъ, превращается въ окутанное непро-
ницаемымъ мракомъ кладбище, безлюдное, безмолвное,
мертвое царство на цѣлые десять мѣсяцевъ.

Переведенная отъ Макарьевского монастыря на Волгѣ
и открытая здѣсь въ 1817 году, ярмарка, разумѣется, ни-
какихъ памятниковъ старины не имѣетъ, но самое мѣсто,
на которомъ она расположена, связано съ воспоминаніемъ
объ обширномъ ярмарочномъ торгѣ, происходившемъ тутъ
еще въ XIV столѣтіи, о чемъ существуютъ лѣтописныя
извѣстія.

Главныя достопримѣчательности ярмарки—это ея Глав-
ный домъ съ пассажемъ колоссальныхъ размѣровъ, ея
Сибирская пристань, куда каждое лѣто свозятся богатства
поль-Россіи и которая, по настоянію бывшаго нижегород-
скаго губернатора Унтербергера, въ недавнее время при-
ведена въ образцовый порядокъ, — обстроена огромными
каменными лабазами, взаменъ деревянныхъ, опасныхъ въ
пожарномъ отношеніи. Къ числу достопримѣчательностей
ярмарки слѣдуетъ отнести Происхожденскій старый ярма-
рочный соборъ, выстроенный въ началѣ прошлаго столѣтія

по проекту Монферрана, новый Александро-Невскій соборъ, освященный въ 1881 году въ присутствіи въ Бозѣ почив-

Ярмарочный Главный домъ.

шаго Государя Императора Александра III. Вотъ, пожалуй, и все, что при бѣгломъ внѣшнемъ обзорѣ можно указать достопримѣчательнаго на ярмаркѣ, прибавивъ къ этому развѣ еще Китайскіе ряды, выстроенные въ якобы китайскомъ стилѣ (дѣйствительно, съ крышами китайской формы), составляющіе часть огромнаго Гостиного двора. Этотъ Гостиный дворъ, вмѣстѣ съ прежнимъ старымъ Главнымъ домомъ, на мѣстѣ котораго въ 1890 г. воздвигнуто теперешнее новое зданіе, армянскою церковью и магометанскою мечетью,—одновременно выстроены извѣстнымъ архитекторомъ времени Императора Александра I—Бетанкуромъ.

Н.-Новгородъ принято называть родиной Минина, хотя собственно, какъ уже упомянуто выше, неизвѣстно, гдѣ ро-

дился Мининъ. Но если Нижній и дѣйствительно родина Минина, то не однимъ этимъ славнымъ именемъ можетъ гордиться онъ. Не говоря уже объ уроженцахъ Нижегородскаго края, принадлежащихъ ко времени давно минувшему, какъ на примѣръ, уроженецъ села Вельдеманова Княгининскаго уѣзда патриархъ Никонъ, уроженецъ с. Григорова того же уѣзда знаменитый его противоборникъ—ересіархъ Аввакумъ, уроженецъ самага города Нижняго, умершій около ста лѣтъ тому назадъ въ глубокой старости, извѣстный механикъ самоучка екатерининскихъ временъ—П. И. Кулибинъ, могила котораго находится на Петропавловскомъ кладбищѣ,—стоитъ вспомнить имена болѣе близкихъ къ намъ по времени, какъ на примѣръ, до сихъ поръ не только достойно неопѣненный, но даже забытый—міровой геній-математикъ Лобачевскій, создатель „воображаемой геометріи“, какъ извѣстный ученый синологъ, первый когда-то въ мірѣ знатокъ китайскаго языка—Васильевъ, извѣстный историкъ Бестужевъ-Рюминъ, историкъ Ешевскій, нашъ современникъ метеорологъ Демчинскій, писатели: Добролюбовъ, П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій), Боборыкинъ, извѣстный композиторъ Балакиревъ, музыкальный критикъ Улыбышевъ, авторъ книги о Моцартѣ, которую сами нѣмцы признаютъ лучшимъ сочиненіемъ объ этой ихъ всесвѣтной музыкальной знаменитости, художники: Ступинъ, Алексѣевъ, Макаровъ, Кошелевъ, Дмитріевъ-Оренбургскій. Все это—уроженцы Нижегородскаго края; но большинство изъ нихъ съ родиной связаны только мѣстомъ рожденія, большинство изъ нихъ всю свою жизнь провели вдали отъ родного края и, за исключеніемъ понынѣ здравствующихъ Боборыкина, Кошелева, Дмитріева-Оренбургскаго и Демчинскаго, умерли и погребены не здѣсь. Дѣятельность большинства изъ нихъ или вовсе не имѣетъ отношенія къ родному краю, или имѣетъ очень малое.

Только Ступинъ и Мельниковъ принадлежатъ всецѣло своей родинѣ, первый, какъ дѣятель на поприщѣ художественнаго просвѣщенія, основатель извѣстной школы живописи въ Арзамасѣвъ началѣ XIX столѣтія, второй—какъ писатель и ученый, всѣ силы своего дарованія и ума посвятившій Нижегородскому краю. Мельниковъ, хотя и проведшій большую часть жизни въ Петербургѣ и затѣмъ въ Москвѣ, умеръ и погребенъ въ Н.-Новгородѣ, какъ Ступинъ въ своемъ родномъ городѣ—Арзамасѣ. Могила Мельникова находится на кладбищѣ Крестовоздвиженскаго женскаго монастыря. Уцѣлѣлъ и домъ, въ которомъ онъ родился; домъ этотъ находится на углу Тихоновской улицы и Мартыновской, рядомъ съ зданіемъ удѣльнаго округа. Цѣлъ въ Нижнемъ домъ, принадлежащій понынѣ причту Никольской церкви на Большой Покровкѣ, гдѣ родился Добролюбовъ, и домъ на углу Б. Покровки и Звѣздинки, гдѣ родился Ешевскій. Цѣлъ еще недавно былъ домъ, принадлежавшій г-жѣ Колчигиной, а ранѣе, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія,—Григорьеву, въ которомъ родился Боборыкинъ.

Итакъ, Н.-Новгородъ далъ немало людей выдающихся, по уму и талантамъ полезныхъ дѣятелей, работниковъ на поприщѣ просвѣщенія, науки и искусства. Однако, Н.-Новгородъ по преимуществу всетаки городъ торговый, купеческій и интересъ копѣйки стоитъ въ немъ на первомъ планѣ. Тѣмъ не менѣе, какъ и въ каждомъ большомъ городѣ, въ Нижнемъ, съ его двадцатитысячнымъ населеніемъ, есть много интеллигенціи, есть немало ученыхъ, просвѣтительныхъ учрежденій и обществъ. Кромѣ Ученой Архивной комиссіи, только что отпраздновавшей свое двадцатипятилѣтіе и только что открытаго въ прошломъ году отдѣленія Императорскаго Московскаго Археологи-

ческаго института, въ Нижнемъ есть еще нѣсколько учебныхъ и художественныхъ обществъ; какъ на примѣръ, отдѣленіе Императорскаго Музыкальнаго общества, существующее съ давнихъ поръ, имѣющее музыкальную школу, кружокъ любителей физики и астрономіи, издающій ежегодно единственный въ Россіи общедоступный астрономическій календарь, отдѣленіе Императорскаго Техническаго общества, Общество врачей, Общество любителей художествъ, устраивающее ежегодныя картинныя выставки, Секція гигиены, воспитанія и образованія, Общество охраненія народнаго здравія, имѣющее хорошо оборудованную дѣтскую санаторію и пр.

Всѣхъ учебныхъ заведеній въ Н.-Новгородѣ 105 съ 16057 уч. об. п., изъ нихъ 1 высшее (Археологическій институтъ), 21 среднее; всѣхъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 7212 об. п.; 15 профессиональныхъ учебныхъ заведеній среднихъ и низшихъ. Кромѣ профессиональныхъ, низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, въ Нижнемъ считается: 6 высшихъ начальныхъ, 7 двухклассныхъ женскихъ М. Н. П., приходскихъ городскихъ и начальныхъ 25, школъ частныхъ 8, церковно-приходскихъ 13 и магометанскихъ 2.

Есть въ Н.-Новгородѣ музеи: земскій Естественно-Историческій, небольшой, но необыкновенно систематично и научно поставленный; городской Художественно-Историческій музей съ маленькой довольно недурной картинной галлереей и очень скуднымъ археологическимъ отдѣломъ; есть маленькій Педагогическій музей; есть огромная, въ шестьдесятъ слишкомъ тысячъ томовъ, но нѣсколько безсистемно составленная, городская общественная публичная библіотека съ отдѣлами въ ней покойнаго П. И. Мельникова (много научныхъ библіографическихъ

рѣдкостей) и Абакумова; есть очень цѣнныя частныя библиотеки, какъ на примѣръ, библиотека Общедоступнаго клуба и художественныя коллекціи, къ сожалѣнію, вполнѣ недоступныя для публики: картинныя коллекціи С. Н. Зененко, В. М. Бурмистровой, недавно умершаго М. М. Рукавишникова.

Плохо, но все таки посѣщается нижегородцами Художественно-Историческій музей, находящійся на самомъ бойкомъ мѣстѣ города; зато, что касается земскаго Естественно-Историческаго музея, то о его существованіи многіе даже и не знаютъ, хотя существуетъ онъ уже много лѣтъ. Неособенно посѣщаются мѣстной публикой и театры, которыхъ въ Нижнемъ два—«Николаевскій» городской, кстати, небольшое зданіе котораго, построенное по проекту извѣстнаго архитектора Шретера, представляетъ собой, какъ и только что оконченное постройкой зданіе Государственнаго банка,—одно изъ изящнѣйшихъ сооруженій города; другой театр—Народнаго дома, болѣе посѣщаемый, имѣетъ свой контингентъ публики. Если театры далеко не всегда бываютъ полны, то множество разсѣянныхъ по городу синематографовъ, съ ихъ дешевой мелодраматической пошлостью, всегда биткомъ-набиты.

Такъ какъ Нижній живетъ преимущественно интересами копѣйки, то, составляющіе ядро его, люди коммерческой складки всегда готовы отъ избытка тряхнуть мощной на болѣе, чѣмъ дѣло просвѣтительныхъ начинаній, понятное для нихъ дѣло благотворительности; а потому, наряду со многими хирѣющими отъ недостатка средствъ просвѣтительными учрежденіями, въ Н.-Новгородѣ множество благотворительныхъ учрежденій, и между ними немало есть выдающихся по своему капитальному устройству, какъ на примѣръ, Вдовій домъ имени Блинова и Буг-

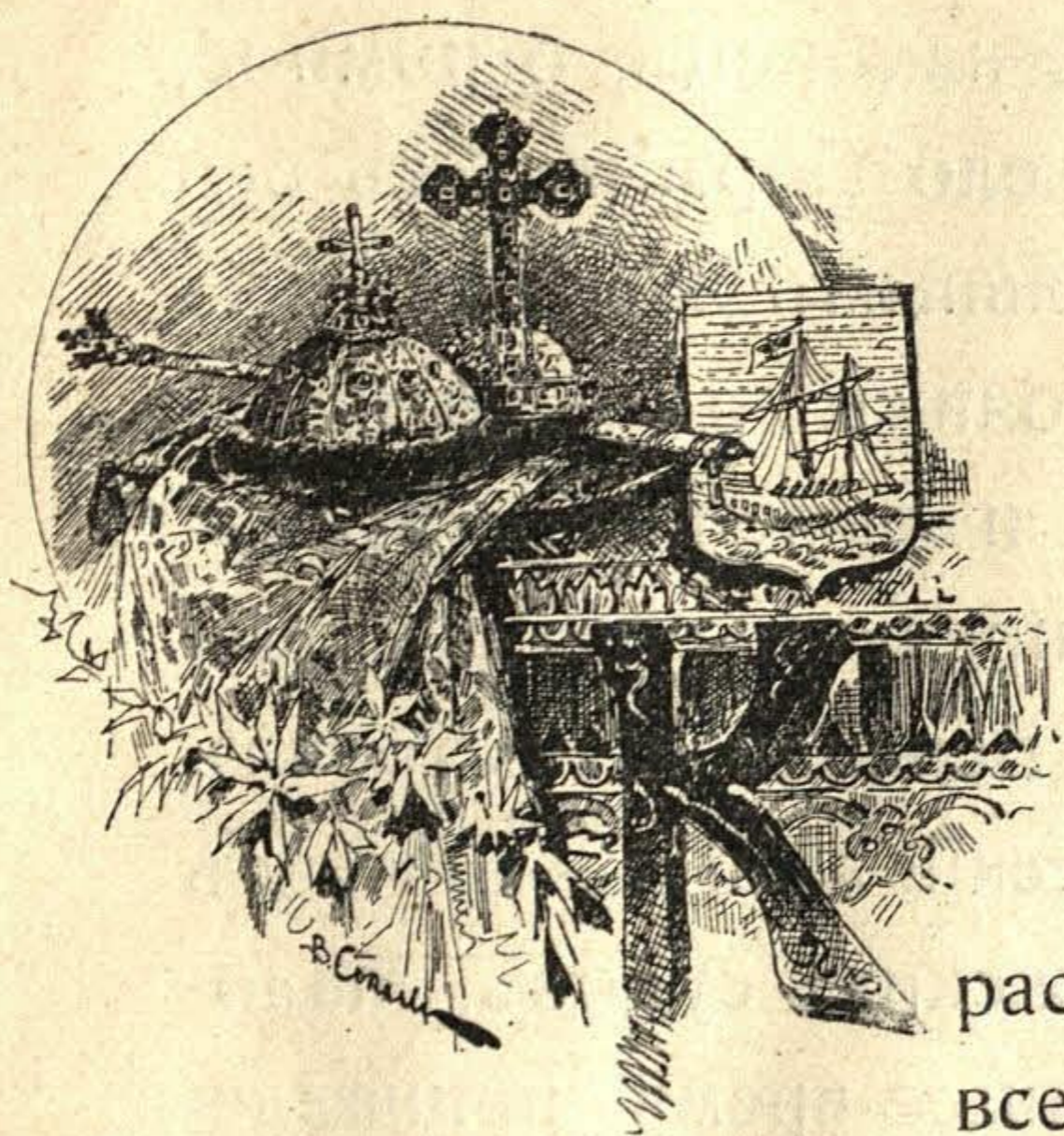
рова и находящійся по сосѣдству Пріютъ для бездомныхъ дѣтей, Домъ Трудолюбія имени Михаила и Любви Руквишниковыхъ, ночлежный домъ Бугрова и особенно, построенный на средства мѣстной капиталистки Марковой, находящійся въ вѣдѣніи губернскаго земства—Пріютъ для подкидышей, стоявшій болѣе 200 тысячъ, образцовое устройство котораго со всѣми новѣйшими приспособленіями по послѣднему слову науки и даже отчасти роскошь поражаютъ заѣзжихъ туристовъ, даже иностранцевъ. Такимъ же замѣчательнымъ устройствомъ отличается, построенное на средства другой нижегородской капиталистки—Рябининой, хирургическое отдѣленіе губернской земской больницы.

Какъ наслѣдіе давно минувшихъ лѣтъ, въ городѣ существуютъ три дворянскихъ учрежденія: дворянскій мужской Александровскій институтъ съ правами и курсомъ классическихъ гимназій, дворянскій Александровскій банкъ и Каратаевскій пріютъ для призрѣнія бѣдныхъ дворянъ.

II.

ПУТЬ СЛѢДОВАНІЯ ДО КОСТРОМЫ.

II.

Путь слѣдованія до Костромы.

расавецъ Нижній! Нѣтъ города во всемъ Поволжьѣ красивѣе Н.-Новгорода. Издали виденъ онъ съ Волги, издали любовно онъ смотритъ на нее, радостно сверкая навстрѣчу ей золочеными главами церквей съ высоты зеленыхъ откосовъ своихъ; гигантской лѣстницей уступами древней кремлевской стѣны и множествомъ домовъ, рассыпавшихся по горнымъ склонамъ, сбѣгаетъ внизъ, навстрѣчу величаво шествующей къ нему изъ глубины синѣющей дали царицѣ рѣкъ русскихъ.

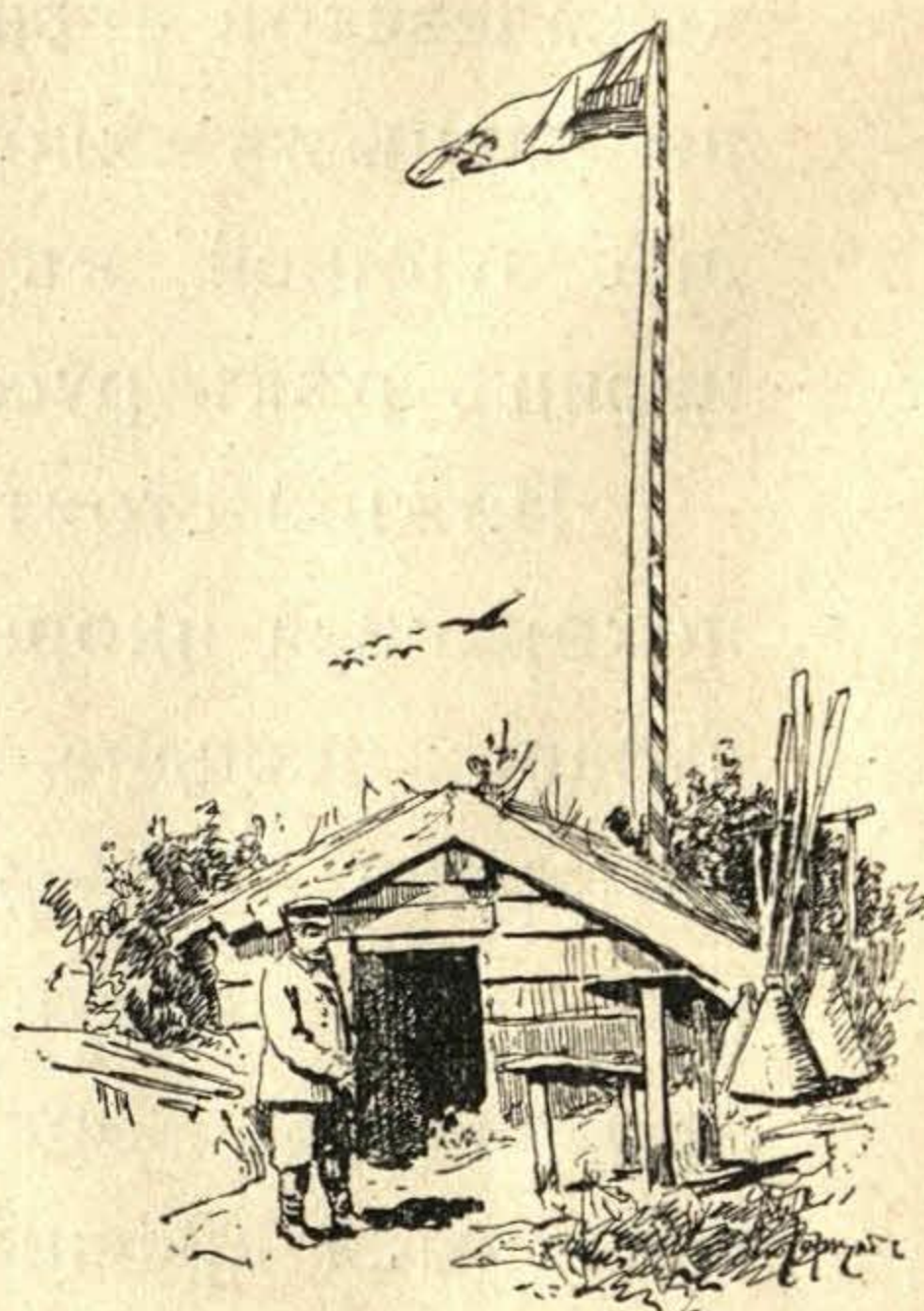
Нижній стоитъ на рубежѣ старой Руси. Ниже—Русь покоренная инородческая—обрусѣвшая мордва, черемисы, чуваша; дальше—иновѣрные татары и еще ниже—нѣмцы лютеране и гернгутеры, калмыки, киргизы, кочевые, юртовскіе и кундуrowsкіе татары. Выше Нижняго Волга протекаетъ коренной исконной Русью, по берегамъ ея красуются древніе города съ ихъ многовѣковыми памятниками старины, отъ которыхъ вѣетъ сказочной былью давно минувшаго, вѣетъ Русью ярославовыхъ временъ, и все полновоспоминаній, дорогихъ русскому сердцу,—воспоминаній и о лихихъ „шалостяхъ“ новгородскихъ „ребятъ“

повольниковъ, и о тяжелыхъ временахъ татарщины и о годинахъ, быть можетъ, еще болѣе тяжелыхъ, лихолѣтъя.

Отъ самага Нижняго почти непрерывно по правому берегу тянутся: сначала Сибирская пристань ярмарки, затѣмъ Бурнаковская лѣсная пристань и, наконецъ, огромное, съ сорокатысячнымъ населеніемъ село Сормово съ его механическимъ вагоно-и судостроительнымъ заводомъ, на которомъ однихъ постоянныхъ рабочихъ до десяти тысячъ, не считая рабочихъ случайныхъ и временныхъ. Когда-то небольшая деревня Сормова не представляла изъ себя ничего значительнаго. Въ 1849 году Бенардаки построилъ близъ нея на берегу Волги механической заводъ, почти съ исключительной цѣлью починки волжскихъ судовъ. Мало-по-малу заводъ разросся, и въ настоящее время, принадлежа акціонерной компаніи, сталъ однимъ изъ крупнѣйшихъ въ Россіи, а рядомъ съ нимъ и небольшая деревня превратилась въ обширное село, носящее характеръ города. Около с. Сормова одинъ изъ обширнѣйшихъ затоновъ на Волгѣ.

На лѣвомъ луговомъ берегу за широкими зеленѣющими лугами обширныхъ и однѣхъ изъ лучшихъ въ Россіи поймъ, вдали, еще съ пароходной пристани виднѣется церковь с. Толоконцева, гдѣ когда-то стоялъ древній Толоконцевскій монастырь, упраздненный при Императрицѣ Екатеринѣ II; правѣй и еще дальше видно большое село Боръ, составляющее нынѣ какъ-бы предмѣстье города.

Только за Сормовомъ, по правому берегу начинаютъ открываться луговья пространства и вдали виднѣются уже церкви ближайшихъ селеній Копосова и Козина, когда-то въ древности принадлежавшихъ, до конца XVIII столѣтія, Троице-Сергіевой

Сторожевой постъ на Волгѣ.

лаврѣ. И Копосово и Козино памятны въ исторіи. Въ началѣ Смутаго времени, при царѣ Василии Шуйскомъ, когда въ 1608 г. все вокругъ предалось Самозванцу: Владимірѣ, Суздаль, Муромѣ, Переяславль-Залѣсскій сдались мятежникамъ безъ боя,—измѣнили вскорѣ законному царю одинъ за другимъ и Арзамасъ, Темниковъ, Касимовъ, Алатырь, Курмышъ, Ядринъ, а затѣмъ Лухъ, Ярополчъ, Стародубъ, Балахна, только одинъ Нижній оставался твердымъ въ вѣрности Шуйскому. Послѣ тщетныхъ попытокъ склонить нижегородцевъ на сторону Тушинскаго вора, балахонцы подступили къ Нижнему. Нижегородскимъ ратнымъ воеводой былъ въ ту пору окольникій Андрей Семеновичъ Алябьевъ. Съ помощью подоспѣвшаго къ этому времени передового отряда Шереметьева онъ ударилъ на мятежниковъ, прогналъ ихъ за Оку и у селъ Копосова и Козина разбилъ наголову. Балахна, Копосово и Козино принесли покаянную и присягнули царю Василию.

Верстахъ въ шестнадцать отсюда, на томъ же правомъ низменномъ берегу стоитъ Балахна, нынѣ уѣздный городъ Нижегородской губерніи, съ населеніемъ въ 5 тысячъ. Не доѣзжая Балахны—единственный въ Поволжьѣ колокольный заводъ Чарышникова.

Какъ и многіе города верхового Поволжья, Балахна растянулась длинной полосой вдоль берега, на протяженіи 2-хъ слишкомъ верствъ.

Въ древности, когда крайнимъ русскимъ городомъ на Волгѣ былъ Городецъ-Радиловъ,—нынѣ село Городецъ,—на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Балахна, по существующему преданію, находился крупный болгарскій городъ съ обширною ярмаркою. Во времена татарщины мѣсто это запусѣло, при Иванѣ III здѣсь поселены были новгородцы. Съ XVI столѣтія Балахна называется Балахонскимъ усольемъ; соляныя варницы въ Балахнѣ когда-то

славилась; въ XVII столѣтїи здѣсь ежегодно добывалось до 250000 пудовъ соли; но природные запасы мало-по-малу истощались, приходилось рыть слишкомъ глубокія ямы для полученія разсола, который послѣ каждыхъ десяти лѣтъ добыванія, обыкновенно, изсякалъ на нѣсколько лѣтъ. Къ половинѣ XVIII столѣтїя добываніе соли въ Балахнѣ представляло такія трудности, а выварка соли сопряжена была съ такимъ истребленіемъ окрестныхъ лѣсовъ для соловарныхъ печей, что въ 1753 году соловареніе въ Балахнѣ было запрещено; однако, изъ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ указаній видно, что въ первой половинѣ XIX вѣка соловареніе въ небольшихъ размѣрахъ здѣсь опять производилось.

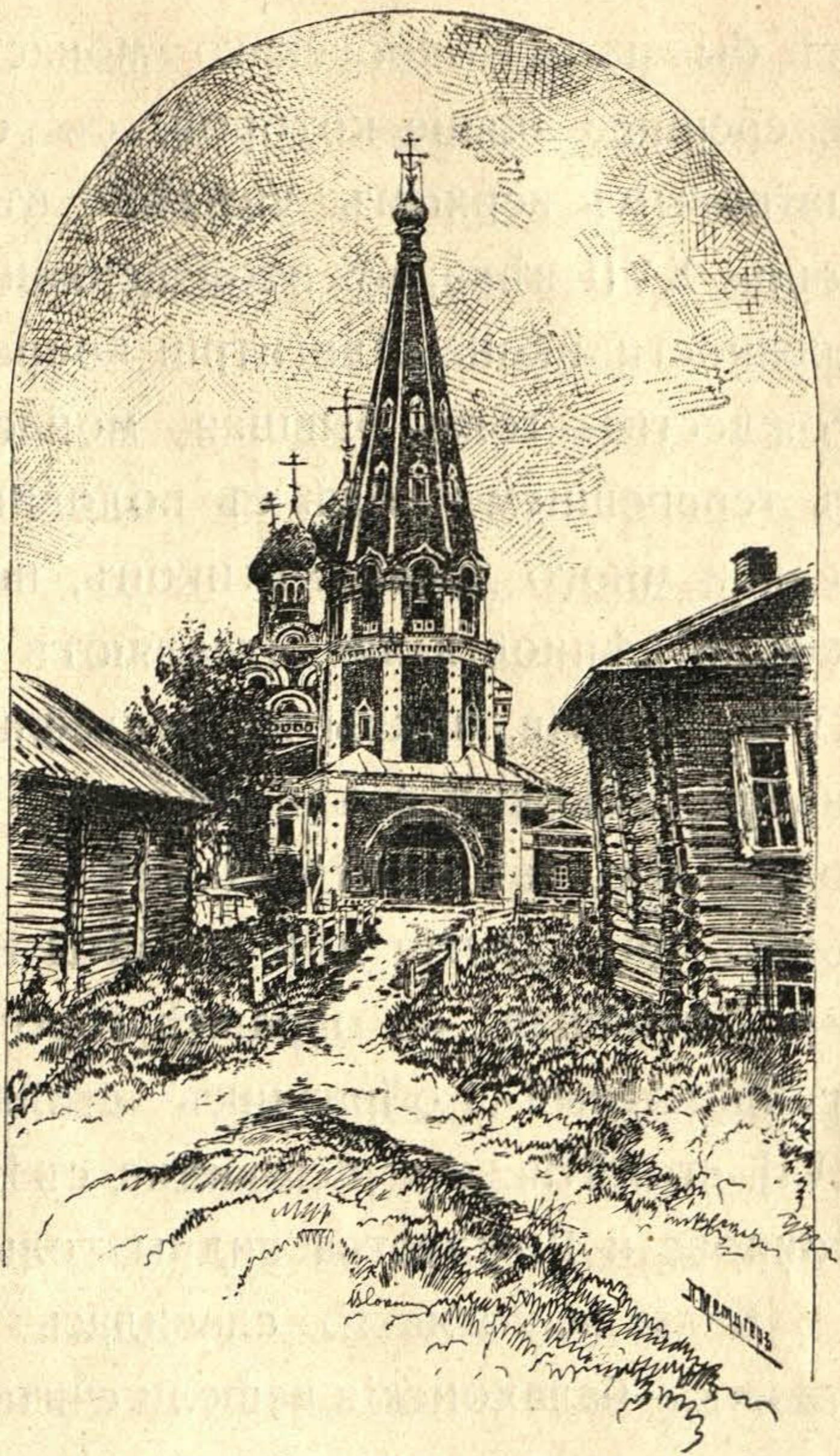
О началѣ соловарнаго промысла въ Балахнѣ существуетъ легенда. Въ 1532 г. какихъ-то двое братьевъ Плесянычей,—т. е., вѣроятно, жителей города Плеса,—плыли на своихъ стругахъ по Волгѣ. Остановились они на ночевку у Балахны и близъ берега увидали яму, наполненную водой, отвѣдали этой воды и нашли ее соленой. Это обстоятельство заставило ихъ попытаться добывать здѣсь соль. Съ этихъ братьевъ Плесянычей, въ честь которыхъ въ Балахнѣ даже именуется одна изъ улицъ Плесянскою, будто бы и начался мѣстный соловарный промыселъ.

Въ 1536 г. Балахонское усолье было выжжено татарами. Къ этому времени оно уже представляло столь значительное населенное мѣсто, что правительница Елена въ томъ же году рѣшилась его укрѣпить земляными валами. „Почать градъ дѣлати на Балахнѣ землянь“,—говорится въ Царственной лѣтописи подъ 1536 годомъ. Такимъ образомъ Балахонское усолье стало городомъ. Вскорѣ на земляныхъ валахъ были воздвигнуты деревянные стѣны и башни. Деревянная крѣпость Балахонская существо-

вала еще въ началѣ XVIII вѣка, но послѣ пожара 1730 г., когда она сгорѣла, больше уже не возстановлялась. Балахна вообще мало упоминается въ исторіи. Октября 16-го 1552 г. Иванъ Грозный, возвращаясь послѣ покоренія Казани Волгой черезъ Нижній, былъ въ Балахнѣ, откуда уже сухимъ путемъ направился дальше черезъ Владиміръ на Москву. Въ 1563 г. Балахна была отдана Грознымъ опричнинѣ.

Въ Смутное время служила она при Василии Шуйскомъ довольно важнымъ гнѣздомъ крамолы; но послѣ подвига воеводы Алябьева, взяшаго ее приступомъ, балахонцы, подъ предводительствомъ мѣстнаго жителя Кувшинникова, соединившись съ жителями Рѣшмы, Юрьевца, Гороховца и Холуя, ревностно устремились къ изгнанію изъ прилегающей мѣстности мятежниковъ. Въ 1612 году Балахна собрала свое ополченіе, которое подъ начальствомъ Плещеева присоединилось къ Пожарскому, проходившему на Ярославль черезъ Балахну. Существуетъ преданіе, что у князя Пожарскаго въ Балахнѣ былъ свой осадный домъ и свои соляныя варницы.

Въ Балахнѣ немало уцѣлѣло памятниковъ старины. Изъ древнихъ сооруженій особенно замѣчательны: на мѣ-

Спасская церковь въ г. Балахнѣ.

стѣ бывшаго Покровскаго монастыря—церковь Покрова, теперешнее зданіе которой, съ огромнымъ кафельнымъ шатровымъ верхомъ, уцѣлѣло въ неприкосновенности съ конца XVII вѣка; въ этой церкви находится рѣдкая по древности икона Одигитріи конца XV столѣтія. Церковь Рождества—тоже бывшая монастырская, существующая въ теперешнемъ видѣ съ половины XVII вѣка; въ этой церкви много древнихъ иконъ, но особенную археологическую цѣнность представляютъ въ ней сохранившіяся съ XVII столѣтія, покрытыя рельефными орнаментами, массивныя восковыя свѣчи передъ мѣстными иконами; къ сожалѣнію, изъ четырехъ свѣчей въ цѣлости сохранились только двѣ, другія двѣ разбиты въ куски. Церковь Спасская, стоящая на окраинѣ города, представляетъ собой превосходный образчикъ стиля московскихъ церквей XVII столѣтія; она вся видна съ Волги, тогда какъ церквей Покрова и Рождества видны только верхушки.

Балахна когда-то славилась кафельнымъ производствомъ,—балахонскія кафели считались лучшими въ Россіи и одно время вывозились даже на Востокъ. О кафельномъ производствѣ теперь давно и помину нѣтъ. Доживаетъ послѣдніе дни и производство кружевъ, которымъ тоже славилась Балахна. Промысломъ этимъ въ прежнія времена былъ занятъ цѣлый обширный прилегающій округъ, теперь же плетеніемъ кружевъ занято не болѣе 10—15 домовъ балахнинскихъ горожанъ; но теперешнія кружевницы давно бросили и совсѣмъ разучились дѣлать тонкіе сорта кружевъ, когда-то соперничавшіе съ заграничными. Выше Балахны расположенъ стеклянный заводъ.

Почти противъ самой Балахны, направо по направленію пути слѣдованія—на лѣвомъ, въ этомъ мѣстѣ возвышенномъ берегу находится село Никольскій-Погостъ, имѣніе госпожи Мальцевой, а противъ него, черезъ Волгу,

на лѣвомъ берегу, с. Кубинцево. Жители обоихъ этихъ селеній занимаются лѣснымъ промысломъ и, главное, судостроеніемъ, такъ же, какъ Балахна и Городецъ.

Въ 10 верстахъ выше небольшой Кочергинскій затонъ для зимовки судовъ, названный такъ по имени близъ лежащаго селенія Кочергина, а еще верстъ семь выше, на лѣвомъ низменномъ берегу село Архангельское и вскорѣ за нимъ большое торговое село Городецъ. Бывшій городъ, столица удѣльнаго княжества, Городецъ-Радиловъ основанъ, какъ надо полагать, въ XII вѣкѣ Юріемъ Долгорукимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ столицей сѣверной Руси сталъ Владиміръ, Городецъ сдѣлался его пригородомъ. Въ немъ имѣлъ пребываніе въ теченіе трехъ лѣтъ, изгнанный въ 1216 году изъ Владиміра своимъ братомъ Константиномъ, великій князь Суздальскій, основатель Нижняго-Новгорода, св. Георгій Всеволодовичъ. Городецъ памятенъ кончиною въ немъ св. благовѣрнаго князя Александра Невского. Въ 1263 году на возвратномъ пути изъ орды св. Александръ Невскій, какъ говоритъ Кіевскій лѣтописецъ, — „разболѣся и дойде Новграда-Нижняго и пребывъ ту мало иде на Городецъ и тамо въ большій недугъ впаде и пострижеса въ черньцы новембрія 14, тое же ноци и преставися“. Умеръ Александръ Невскій въ кельѣ существовавшего уже тогда и существующаго понынѣ, хотя и въ обновленномъ видѣ, Феодоровскаго монастыря, основаніе котораго связано съ преданіемъ о Чудотворной иконѣ Феодоровской Божіей Матери, — той самой иконѣ, которой 300 лѣтъ назадъ великая старица, инокиня Марѳа благословила на царство своего сына, родоначальника нынѣ царствующей династіи. Преданіе говоритъ такъ. Юрій, объѣзжая свои владѣнія и проѣзжая Волгой, остановился у небольшого сельбища Малаго Китежа, стоявшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Городецъ.

Здѣсь жили христіане, но не было церкви, а стояла лишь небольшая часовня на кладбищѣ съ чтимою китежскими жителями иконой Одигитрии. Китежане просили великаго князя основать церковь. Юрій исполнилъ ихъ желаніе, и въ церковь эту рѣшилъ перенести изъ часовни икону; но икона не далась: когда стали ее поднимать, то не могли сдвинуть съ мѣста. Тогда великій князь рѣшилъ основать здѣсь монастырь. По преданію, это было въ 1156 г., т. е. въ годъ вступленія на великокняжескій престолъ Юрія въ Кіевѣ и Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ (см. Пов. Вр. лѣтъ 6664). Икона находилась въ монастырѣ, на прежнемъ своемъ мѣстѣ, въ часовнѣ, до 1238 года. Когда во время Батыева нашествія въ этомъ году былъ выжженъ Городецъ, а съ нимъ вмѣстѣ сожженъ и монастырь, икона исчезла и черезъ годъ явилась въ лѣсу около Костромы князю Василию Костромскому, по прованію „Квашня“. Василій перенесъ ее въ церковь Θεодора Стратилата, откуда икона и получила названіе Θεодоровской. Между тѣмъ жители Городца вскорѣ возстановили монастырь, куда и помѣстили точный списокъ съ иконы. Этотъ древній списокъ находится и понынѣ въ Θεодоровскомъ монастырѣ. Старообрядцы бѣглоповщинскаго толка, или, какъ они сами себя называютъ, „пріемлющіе тайное или бѣгствующее священство“, особенно почитаютъ эту икону и рассказываютъ, что разъ въ году въ тихую лѣтнюю ночь незримо переносится она изъ Костромы въ Городецъ, становится на мѣстѣ святѣ, т. е. на мѣстѣ ея перваго явленія—въ Китежской часовнѣ, при чемъ увѣряютъ, что часовня эта была, при основаніи монастыря въ XII вѣкѣ, обращена въ келью, именно ту самую келью, въ которой слишкомъ сто лѣтъ спустя умеръ Александръ Невскій и на мѣстѣ которой стоитъ, или, точнѣе, стояла, сгорѣвшая лѣтъ двадцать

назадъ ихъ знаменитая „Городецкая часовня“. Въ настоящее время новое зданіе ея находится рядомъ. Когда появляется икона, въ часовнѣ сами загораются свѣчи и до самаго разсвѣта слышно бываетъ пѣніе невидимаго клира. Икона проливаетъ горькія слезы о своемъ заключеніи въ никоніанскомъ храмѣ. И великое чудо совершается въ эту ночь: тихо, беззвучно разверзается гора Оползень, и открываются въ нѣдрахъ ея свѣтящіеся яркимъ свѣтомъ гробы съ мощами св. князей городецкихъ. Къ утру икона исчезаетъ, гаснутъ свѣчи, снова смыкается гора Оползень, и икона опять является въ Костромѣ. Когда-же распространится по всему міру вѣра истинная, т. е. старообрядчество, икона открыто, передъ взорами всѣхъ, во славу великой понесется по небесной лазури изъ Костромы въ Городецъ; откроются тогда и лежащія нынѣ подъ спудомъ, въ безвѣстности мощи святыхъ князей. Однако, старообрядческое бѣглопоповское кладбище съ ихъ часовней стоитъ совсѣмъ въ другой части села; но старообрядцы увѣряютъ, что монастырь въ XVIII вѣкѣ былъ перенесенъ на новое мѣсто. Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ пожаровъ монастырь, если не былъ перенесенъ, то во всякомъ случаѣ совершенно заново отстроенъ именно въ концѣ XVIII вѣка. Главный храмъ его во имя Феодоровской Божіей Матери освященъ въ 1767 году, въ присутствіи Императрицы Екатерины II, путешествовавшей въ ту пору по Волгѣ на галерѣ „Тверь“. Памятникомъ посѣщенія Императрицы въ монастырь служитъ стоящее въ одномъ изъ храмовъ царское мѣсто. Въ настоящее время монастырь не богатъ, имѣетъ два подворья, одно въ Петербургѣ, другое—въ Нижнемъ-Новгородѣ съ небольшою церковью Александра Невскаго.

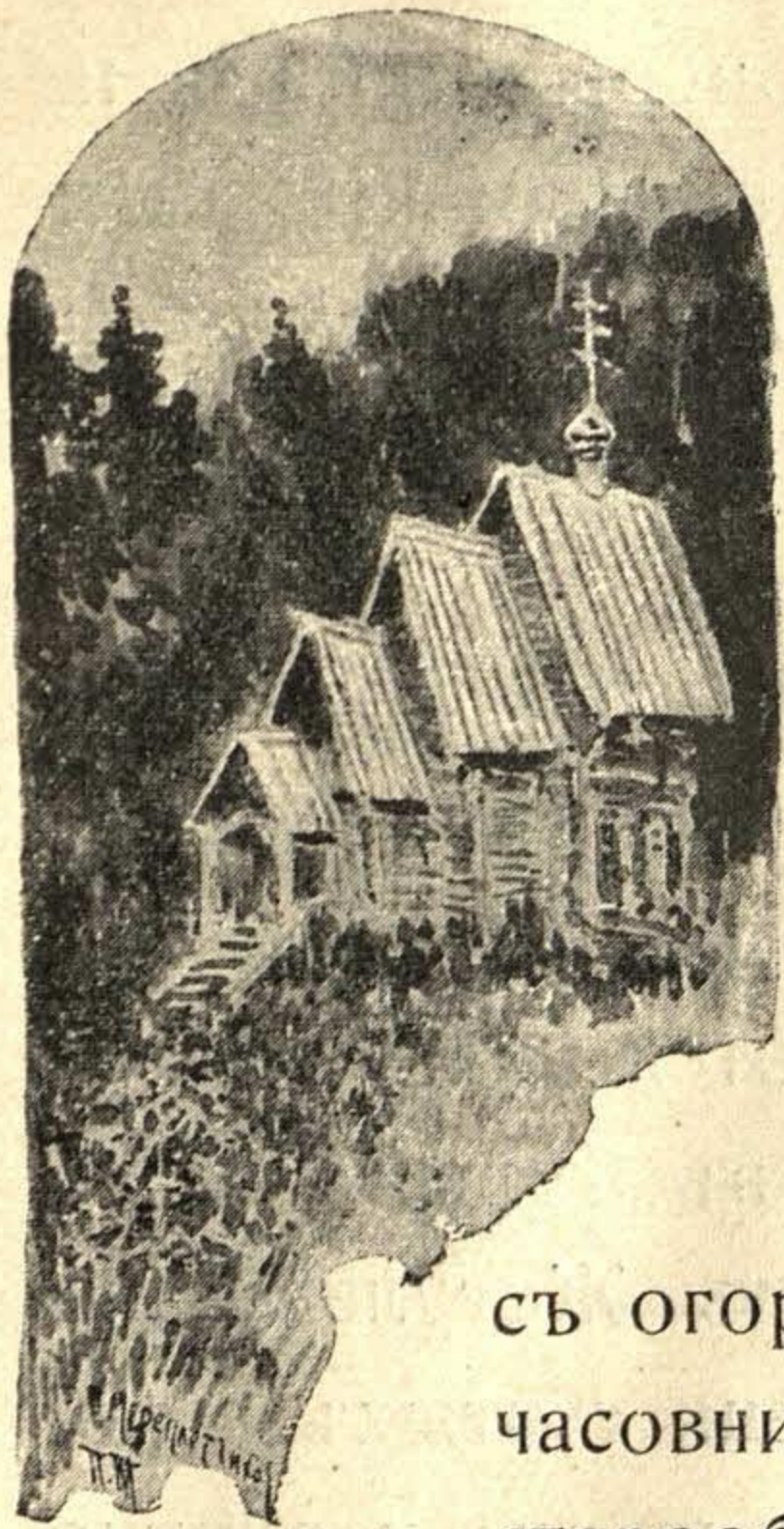
Во время великаго княженія Андрея Александровича, сына Александра Невскаго, Городецъ служилъ резиденціей

великаго князя; въ половинѣ XIV столѣтія сталъ онъ удѣльнымъ городомъ Нижегородскаго великокняжества. Въ XVII вѣкѣ царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ Городецъ, или, точнѣе, часть его—была пожалована несчастной супругѣ свергнутаго царя Василя Шуйскаго, царицѣ Маріи Петровнѣ, во иночествѣ Еленѣ.

Императрица Екатерина II значительную часть его подарила графу Орлову, отъ котораго эта часть перешла графу Панину и княгини Волконской.

Съ Городцомъ въ настоящее время слились и составляютъ одно цѣлое четыре слободы и шесть селеній. Все это вмѣстѣ занимаетъ довольно большую площадь, называется однимъ общимъ именемъ—Городецъ и имѣетъ население болѣе 25000. Въ Городцѣ двѣ прогимназіи—мужская и женская, двѣ богадѣльни: „Ноздринскаго“—вѣдомства Императрицы Маріи и великолѣпно оборудованная Бугрова—старообрядческая, кредитное товарищество съ оборотомъ до 1 милліона въ годъ, одинъ небольшой механической заводъ Рязанова, три мыловаренныхъ завода, до десяти пряничныхъ заводовъ. Городецкіе медовые и солодовые пряники и мѣстное пряничное производство издавна славятся въ Поволжьѣ; но болѣе всего Городецъ извѣстенъ своей старообрядческой часовней бѣглопоповскаго толка. Старообрядцы придаютъ ей глубокую древность. Однако, извѣстный знатокъ старообрядчества, П. И. Мельниковъ, говоритъ, что въ Городцѣ до конца XVIII столѣтія не было ни одного раскольника. Только послѣ манифеста 1762 г., которымъ разрѣшалось зарубежнымъ бѣглецамъ-раскольникамъ снова вернуться въ Россію, Городецъ сталъ однимъ изъ излюбленныхъ мѣстъ ихъ средоточія. Съ этихъ поръ, и никакъ не ранѣе, образовался здѣсь одинъ изъ важнѣйшихъ ихъ центровъ. Старая деревянная Городецкая часовня, сгорѣвшая въ 1893 году, была основана одновре-

менно съ Московскимъ Преображенскимъ кладбищемъ, во время чумы 1771 г. Послѣ пожара она была вскорѣ возстановлена почти исключительно на средства мѣстнаго столпа бѣглопоповщины, нижегородскаго милліонера, недавно умершаго, Н. А. Бугрова. Часовня эта теперь представляетъ собою огромное каменное зданіе съ кельями, моленными, надворными постройками, гдѣ живетъ теперь открыто „бѣгствующій“ священникъ съ причтомъ; тутъ же кладбище съ огороженнымъ мѣстомъ сгорѣвшей старой часовни. При часовнѣ хорошо оборудованная старообрядческая школа и богадѣльня. Недавно выстроенная на средства городчанъ-старообрядцевъ, высокая колокольня видна издали.

Старая Городецкая часовня.

Въ настоящее время старообрядцы, особенно бѣглопоповскаго толка, замѣтно начинаютъ оставлять свои прежніе предразсудки и забывать повѣрья и легенды. Теперь, на примѣръ, съ трудомъ можно найти въ Городцѣ рукопись любимаго ими апокрифическаго китежскаго лѣтописца съ весьма поэтичнымъ сказаніемъ о Батыевой тропѣ и градѣ Великомъ Китежѣ, незримо стоящемъ надъ озеромъ Свѣтлояромъ въ лѣсахъ Заволжья, куда, однако, и до сихъ поръ собираются тысячныя толпы въ ночь съ 22 на 23 іюня; но собираются теперь не столько въ надеждѣ узрѣть явленіе града, отраженнаго въ струяхъ святого озера и услышать заунывный звонъ незримыхъ колоколовъ Китежскихъ, не столько даже для диспутовъ о вѣрѣ, какъ бывало встарь, сколько просто для гулянья. Однако, голоса спорщиковъ и до сихъ поръ оглашаютъ вѣковой лѣсъ у озера въ великую китежскую ночь.

Въ диспутахъ съ недавняго времени начали принимать участіе и не одни старообрядцы всѣхъ толковъ и согласій, не одни сектанты и православные миссіонеры,—иногда на Китежѣ появляются и инославные проповѣдники, какъ на примѣръ, въ 1910 году явившійся сюда реформатскій священникъ, не имѣвшій, однако, успѣха даже и среди рационалистовъ-сектантовъ.

Забыта окончательно и другая, не менѣе поэтичная легенда, тоже городецкаго происхожденія,—о Кирилловыхъ и Жигулевскихъ старцахъ. Кирилловы горы, на которыхъ стоитъ Городецъ, больше не раздвигаются на утренней зарѣ и не выходятъ изъ нихъ старцы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, чтобы послать поклонъ старцамъ Жигулевскихъ горъ; давно не свѣтятся по ночамъ мощи святыхъ городецкихъ князей. Съ немалымъ конфузомъ и неохотно говорятъ нынѣ старообрядцы о древности своей часовни и о появленіи иконы Феодоровской Божіей Матери „на мѣстѣ святѣ“, т. к. мѣсто это давно заросло бурьяномъ, такъ же, какъ и забытыя могилки ихъ святыхъ угодничковъ въ лѣсахъ Керженскихъ подъ-бокомъ у Городца. Слабѣетъ расколъ, сильный еще недавно не столько слѣпой вѣрой и преданностью старозавѣтнымъ предразсудкамъ, сколько взлелѣяннымъ вѣками отщепенствомъ, положеніемъ гонимыхъ за вѣру, теряетъ почву подъ собой и всякій смыслъ съ недавнимъ дарованіемъ свободы исповѣданія. Тѣмъ не менѣе Городецъ еще имѣетъ важное значеніе въ старообрядческомъ мірѣ, какъ и московское Рогожское кладбище.

Могилка угодничка.

Кромѣ бѣглопоповщины въ Городцѣ множество всякихъ и старообрядческихъ толковъ и сектъ. Члены одной семьи, живущіе вмѣстѣ, часто принадлежатъ здѣсь къ разнымъ толкамъ, и это представляетъ одну изъ характерныхъ мѣстныхъ бытовыхъ чертъ.

Въ торговомъ отношеніи Городецъ тоже играетъ не послѣднюю роль въ Поволжьѣ, представляя собой довольно важный центръ шести уѣздовъ, принадлежащихъ тремъ губерніямъ. Въ Городцѣ всѣ купцы—народъ пришлый, изъ Семенова, Балахны, Пучежа и другихъ городовъ и посадовъ. Отсюда, какъ изъ средоточія, идутъ въ обѣ столицы и Сибирь, а частью, въ Персію и Бухару, разныя издѣлія преимущественно изъ дерева, главнымъ образомъ семеновскія ложки, деревянная посуда, т. н. „хохломская“ мебель, дешевыя игрушки и проч.

Изъ памятниковъ древности прежде всего слѣдуетъ указать здѣсь на замѣчательнѣйшій изъ нихъ—нарѣдкость сохранившійся земляной городской валъ древней городецкой крѣпости, обнимающій собой площадь версты въ двѣ—остатокъ времени Городецкаго княжества. Изъ церквей самая древняя въ Городцѣ—Николая Чудотворца 1644 года съ древней иконой „Спаса златыя врата“, затѣмъ церковь Троицы 1673 года съ древними иконами св. Михаила Малеина и св. Афанасія Александрійскаго. На мѣстѣ усыпальницы удѣльныхъ князей городецкихъ стоитъ сравнительно новая церковь Михаила Архангела начала XVIII вѣка; въ ней древнія иконы Спасителя, Св. Троицы, Рождества Христова, Николы Можайскаго. Особенно цѣнны здѣсь въ археологическомъ отношеніи древніе оловянные сосуды и мѣдная водосвятная чаша.

Въ трехъ верстахъ выше Городца, слѣва по направленію пути слѣдованія, на правомъ берегу Волги с. Сологузово и около него Сологузовскій затонъ для зимовки су-

довъ. Версть девять выше Сологузова, около деревни Старый-Югъ другой, Югскій затонъ, въ 9 верстахъ отъ котораго далѣе налѣво по направленію пути слѣдованія, на правомъ берегу с. Матренкино, а въ верстѣ разстоянія отъ него у лѣваго берега затонъ Рахмановскій, названный такъ по находящейся недалеко отъ него усадьбѣ приватъ-доцента московскаго университета Рахманова, и, наконецъ, еще выше, въ трехъ верстахъ, у праваго берега обширный, хорошо устроенный затонъ Казанскаго Округа Министерства Путей Сообщенія, около большого историческаго села Василева. Отъ с. Сологузова до Василева по срединѣ Волги тянется огромный, версть въ пятнадцать длины, сравнительно недавно образовавшійся островъ.

До начала XVII столѣтія Василево было средоточіемъ обширной и до завоеванія устья Оки пограничной Бѣлогородской области. Вскорѣ послѣ паденія самостоятельности великаго княжества Нижегородскаго Василево вмѣстѣ съ Бѣлогородской областью было отдано в. к. Василиемъ Дмитріевичемъ Московскимъ сыну второго великаго князя Нижегородскаго Андрея Константиновича Владиміру Андреевичу; послѣ его смерти Бѣлогородье вмѣстѣ съ Василевымъ перешло въ потомство его двоюроднаго брата, недолго княжившаго въ Нижнемъ, Василя Дмитріевича, родоначальника князей Шуйскихъ. Въ XVII вѣкѣ Василево уже было родовой вотчиной царя Василя Шуйскаго, по низложеніи котораго перешло его супругѣ—Маріи Петровнѣ, а послѣ кончины ея царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ было отдано Московскому Вознесенскому монастырю, гдѣ провела развѣнчанная царица остатки дней своихъ.

Василево, или Василева-Слобода,—тоже довольно значительный центръ старообрядчества и сектантства. Есть подозрѣніе, что среди населенія здѣсь скрываются бѣгуны—

Сопѣлковцы. Въ Василевѣ тоже находится старообрядческая часовня приѣмлющихъ бѣлокриницкое священство.

Образцово устроенный затонъ Казанскаго Округа имѣетъ хорошо укрѣпленные берега и дамбу около версты длины, эллингъ для подъема судовъ и небольшой механической заводъ. Все это устроено въ 80-хъ годахъ инженеромъ Р. К. Мазингомъ.

Отъ Василева кратчайшій путь въ село Пурехъ, Юрино и Бурцево, бывшія вотчины князя Пожарскаго. Самое с. Пурехъ князю Пожарскому было пожаловано Царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ „за его, князя, службу“. Впрочемъ, князь Дмитрій Михайловичъ, когда пребывалъ въ своихъ Нижегородскихъ вотчинахъ, жилъ, какъ надо полагать, не въ Пурехѣ, а въ Юринѣ, находящемся въ 20 верстахъ, на что отчасти указываетъ и названіе мѣстности близъ этого села: „Князевъ прудъ“, около котораго, по словамъ одного изъ лучшихъ знатоковъ мѣстной исторіи— Архимандрита Макарія, еще въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія были замѣтны слѣды бывшихъ зданій. Въ настоящее время въ Юринѣ ничего нѣтъ связаннаго съ памятью о кн. Пожарскомъ, кромѣ ветхой небольшой деревянной церкви, построенной имъ. Церковь давно упразднена и въ ней давно нѣтъ службы, но зданіе ея еще держится.

Вскорѣ по полученіи въ даръ с. Пуреха кн. Дмитрій Михайловичъ основалъ въ немъ монастырь во имя св. Макарія Желтоводскаго съ церковью Преображенія. Въ концѣ XVII вѣка монастырь этотъ принадлежалъ правнучкѣ Пожарскаго, вдовѣ кравчаго, Прасковѣ Нарышкиной; въ 1693 году недолгое время былъ онъ приписанъ къ Нижегородской митрополіи, въ XVIII вѣкѣ упраздненъ. Въ настоящее время отъ бывшаго монастыря сохранилась только церковь Преображенія, въ которой до 1827 года находился подлинный стягъ нижегородскаго ополченія

1612 года, взятый отсюда, по повелѣнію Императора Николая I, для Московской Оружейной Палаты; взаменъ подлинника въ Пурехъ былъ присланъ такой же списокъ, какъ и въ Нижегородскій кафедральный соборъ. Списокъ этотъ хранится въ Пуреховской церкви. Въ церкви этой много вкладовъ, какъ самого Дмитрія Михайловича, такъ и его родичей. Особеннымъ почитаніемъ пользуется здѣсь т. н. Пуреховскій крестъ, деревянный, рѣзной, большихъ размѣровъ. Крестъ этотъ считается чудотворнымъ и его носятъ по ближайшимъ уѣздамъ, а на лѣто, въ ярмарочное время, приносятъ въ церковь подворья Феодоровскаго монастыря въ Нижнемъ-Новгородѣ. По одному преданію, крестъ принесенъ былъ самимъ Пожарскимъ изъ Соловецкаго монастыря, по другому—онъ былъ принесенъ за долго до Пожарскаго, во время татарскаго нашествія затопленъ въ лѣсномъ болотѣ и затѣмъ найденъ случайно княземъ Пожарскимъ во время охоты. Между другими древностями Пуреховской церкви находятся въ ней двѣ иконы, одна—Владимірской Божіей Матери, которая, по преданію, сопутствовала Пожарскому во время похода въ 1612 году, другая, шитая шелкомъ и золотомъ,—Казанской Божіей Матери, по преданію, собственноручная работа первой супруги Пожарскаго, Прасковьи Варфоломѣевны.

Область вотчинъ Нижегородскихъ Пожарскаго была обширна. Область эта и понынѣ носитъ названіе „Жары“, она захватываетъ и часть сосѣдняго, Гороховецкаго уѣзда Владимірской губерніи, гдѣ принадлежало Пожарскому село Ландехъ.

Еще не доѣзжая Василевой слободы, слѣва по направленію пути слѣдованія на правомъ берегу виднѣется большое село Катунки, а за нимъ изъ-за лѣса показываются верхушки церкви села Кресты. С. Катунки издавна славится своимъ кожевеннымъ производствомъ и особенно—

выдѣлкой превосходнаго опойка. Рядомъ съ кожевеннымъ производствомъ развился здѣсь клееварный промыселъ; довольно извѣстный катунскій, или „хотунскій“ клей вываривается изъ мяздры. Почти все женское населеніе села Катунокъ—строчей, заняты шитьемъ строчкой, гладью, тамбуромъ. Катунки являются центромъ цѣлаго района

Село Катунки.

этого женскаго труда,—до 46 селеній лишь Балахнинскаго уѣзда Нижегородской губерніи заняты шитьемъ, районъ же промысла захватываетъ собою и сосѣдніе уѣзды Владимірской и Костромской губерній. Недавно въ с. Катункахъ открыта Министерствомъ Земледѣлія школа для кустарей.

С. Катунки стоитъ почти на границѣ Нижегородской губерніи.

Двѣ версты ниже, по лѣвому берегу с. Валки принадлежитъ уже Костромской губерніи, по правому же Нижегородская губернія продолжается еще на нѣкоторое протяженіе. Послѣдняя деревня Нижегородской губерніи по

правому берегу, не видная съ парохода—Бѣлоглазиха. Слѣдующее село Кресты, стоящее на высокой крутой и очень живописной возвышенности, уже Костромской губерніи. Надъ самымъ обрывомъ, среди высокихъ елей, виднѣется здѣсь дача Ермолаева.

Отъ самыхъ Крестовъ правый, въ этомъ мѣстѣ возвышенный берегъ принадлежитъ Юрьеveckому, а лѣвый, низменный—Макарьевскому уѣзду Костромской губерніи. Справа по направленію пути слѣдованія, на лѣвомъ берегу видна деревня Татариха, а на правомъ—Высоковка. Противъ этихъ деревень Поганый островъ. Въ прежнія времена фарватеръ, или, по мѣстному,—„стрезень“, проходилъ близъ праваго берега и былъ очень затруднителенъ по мелководью, теперь старый фарватеръ закрытъ и ходъ для судовъ, по проекту инженера Д. Ф. Шкоттъ, устроенъ близъ лѣваго берега. Правый берегъ здѣсь очень живописенъ: крутые утесы, поросшіе лѣсомъ, желтые оползни, обрывы. Отсюда въ полутора верстахъ Абрашкинскій затонъ, гдѣ могутъ помѣщаться на зимовку до десяти большомѣрныхъ судовъ, рядомъ д. Аришкино, на лѣвомъ берегу. Отсюда начинается Ячменская воложка—рукавъ, по которому идетъ фарватеръ. Рядомъ, ближе къ правому берегу находится, когда-то одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ перекатовъ на Волгѣ,—Ширмокши, теперь окончательно закрытый искусственными прегражденіями, и живая струя направлена въ Ячменку. Укрѣпленные берега идутъ здѣсь на протяженіи почти десяти верствъ. Всѣ эти гидротехническія сооруженія устроены по проекту инженера Вѣнскаго инженеромъ Мазингомъ въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Укрѣпленные берега отсюда идутъ до самаго посада Пучежа, который вскорѣ показывается вдали на правомъ берегу по теченію Волги, налѣво по направленію пути слѣдованія. Горы мало-по-малу начи-

нають отступать отъ Волги, раскрывая широкіе зеленѣющіе поемные луга. Возвышенности опять подходятъ къ Волгѣ около самага Пучежа, за три версты отъ котораго, около деревни Марковой, стоящей на лѣвомъ берегу, небольшой Марковскій перекасть.

Посадъ Пучежъ Юрьевецкаго уѣзда Костромской губерніи находится въ 44 верстахъ отъ своего уѣзднаго города, довольно значительная лѣсная пристань на Волгѣ, въ древности назывался слободой Пучищей, которая принадлежала дворцовому вѣдомству. Около Пучежа льнопрядильная фабрика Сѣнекова.

Отъ самага Пучежа правый берегъ возвышенъ и представляетъ собой рядъ крутыхъ, хотя и неособенно высокихъ утесовъ, которые называются „Дѣвьи горы“. Идетъ цѣлый рядъ лѣсныхъ пристаней. Дѣвьи горы вскорѣ кончаются и далѣе идутъ довольно однообразные, скучные, пустынные берега. Въ 20 верстахъ выше Пучежа направо по направленію пути слѣдованія на лѣвомъ низменномъ берегу с. Сокольское, стоящее на небольшой пологой возвышенности и рядомъ, слившееся съ нимъ въ одно, — с. Никольское. Около этихъ селъ Сокольскій затонъ для зимовки судовъ. Выше с. Сокольскаго берега опять однообразны и скучны. Двадцать верстъ выше городъ Юрьевецъ, растянувшійся узкой полосой вдоль берега почти на четыре версты и окруженный возвышенностями горнаго берега, точно нарочно отступившими въ этомъ мѣстѣ отъ Волги, чтобы дать мѣсто древнему русскому городу.

Юрьевецъ—почти ровесникъ Нижнему-Новгороду,—основанъ въ 1228 году тѣмъ же святымъ благовѣрнымъ великимъ княземъ Суздальскимъ Георгіемъ Всеволодовичемъ. По преданію, онъ стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, объѣзжая свои владѣнія, великій князь увидѣлъ чудесно явившуюся передъ нимъ икону святого Георгія Побѣдоносца.

Въ 1405 году великій князь Василій Дмитріевичъ написалъ Юрьевецъ къ удѣлу Городецкаго княжества и отдалъ по договорной грамотѣ князю Владиміру Андреевичу, сыну Андрея Константиновича Нижегородскаго; но черезъ три года Юрьевецъ сталъ пригородомъ Москвы. Послѣ покоренія Казани въ 1552 году Иванъ Грозный отдалъ Юрьевецъ, согласившемуся быть присяжникомъ Москвы, астраханскому царевичу Кайбулѣ Айкубековичу. Въ 1565 г. Юрьевецъ былъ отписанъ на опричнину. При Василии Шуйскомъ, въ 1608 году, онъ выжженъ Лисовскимъ, а въ 1611 году, въ то время, когда въ немъ собиралось ополченіе на защиту Москвы, подвергся новому нападенію отряда князя Куракина, приверженца Тушинскаго вора; въ 1614 году онъ опустошенъ Заруцкимъ. При первомъ раздѣленіи Россіи на губерніи Петръ Великій Юрьевецъ причислилъ къ Казанской губерніи, затѣмъ онъ принадлежалъ Нижегородской и, наконецъ, только съ 1778 года сталъ уѣзднымъ городомъ Костромской губерніи.

Около Юрьевца льнопрядильная фабрика Миндовскаго, а въ самомъ городѣ казенный винный заводъ, огромное зданіе котораго издали видно въ полугорѣ надъ крышами другихъ домовъ.

Противъ города за Волгой большой лѣсопильный заводъ Брандта, а за нимъ виднѣются главы церкви древняго Троицкаго Кривоезерскаго монастыря. Монастырь этотъ основанъ въ 1644 году, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ подвизался блаженный Симонъ, уроженецъ г. Юрьевца, въ уединенномъ мѣстѣ въ лѣсу, куда будто бы ночью переходилъ Волгу, какъ по сушѣ. Онъ еще при жизни сдѣлалъ предсказаніе, что черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти долженъ быть на этомъ мѣстѣ основанъ монастырь. Мѣстность около монастыря называется Кривоезерьемъ; здѣсь дѣйствительно нѣсколько длинныхъ ста-

риць впадающей рядомъ въ Волгу рѣки Унжи. Рѣка Унжа—одинъ изъ судоходныхъ притоковъ Волги, по которому сплавляется великое множество плотовъ изъ Заволжья къ Пучежу и Нижнему-Новгороду. Все лѣто по Унжѣ ходятъ пароходы до города Макарьева, близъ котораго стоитъ древній Макарьевскій Унженскій монастырь, основанный святымъ Макаріемъ Желтоводскимъ въ 1439 г., по возвращеніи изъ казанскаго плѣна. Въ этомъ монастырѣ еще въ дѣтскіе годы имѣлъ пребываніе Михаилъ Феодоровичъ Романовъ со своей матерью, скрываемый отъ враговъ тогдашнимъ настоятелемъ монастыря—инокомъ Давидомъ, изъ рода Хвостовыхъ, впоследствии митрополитомъ казанскимъ Ефремомъ, вѣнчавшимъ Михаила Феодоровича на царство. Вскорѣ послѣ воцаренія своего Михаилъ Феодоровичъ, въ 1619 году, предпринялъ торжественное путешествіе къ Макарію Унженскому. Въ 1837 году, будучи Наслѣдникомъ престола, Макарьевскій монастырь посѣтилъ Императоръ Александръ II.

Въ числѣ священныхъ реликвій монастыря находится въ немъ келейная икона Царя Михаила Феодоровича и деревянный рѣзной крестъ—даръ патріарха Филарета Никитича.

За Юрьевцомъ возвышенности горнаго берега снова выдвигаются надъ Волгой. Верстахъ въ шести отъ города находится очень живописный крутой утесъ, сверху до низу поросшій старыми елями, рядомъ—глубокое узкое ущелье; на вершинѣ утеса прячется за деревьями небольшая часовня съ остроконечнымъ верхомъ. Мѣсто это у окрестныхъ жителей называется: „Входъ Царицы“.

Въ 1881 году, въ первый же годъ царствованія Своего въ Бозѣ почившему Императору Александру III угодно было осчастливить Своимъ посѣщеніемъ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ Его Августѣйшемъ присутствіи былъ освя-

Видъ на Волгу отъ часовни «Входъ Царицы».

щенъ новый, только-что къ тому времени отстроенный ярмарочный Александроневскій соборъ. Возвращаясь изъ Нижняго Волгой и слѣдуя мимо этого утеса, какъ гласитъ преданіе, Цар-

ская Семья была восхищена красотой мѣста. Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ угодно было остановить парходъ и въ сопровожденіи Августѣйшихъ Сыновей—нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора и въ Бозѣ почившаго Наслѣдника престола Георгія Александровича высадиться на берегъ. Послѣ чего Вѣнценосная Семья поднялась пѣшкомъ на высокую кручу утеса. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ часовня, по тому же преданію, Царская Семья отдыхала, любуясь чуднымъ видомъ величаво несущейся передъ Ними Волгой. Послѣ краткаго отдохновенія Августѣйшіе путешественники опять пѣшкомъ же прослѣдовали до ближайшей деревни—Мольгино, гдѣ, первое время никѣмъ неузнанные, вошли въ избу одного крестьянина и пили молоко. Когда крестьяне узнали, кто были ихъ гостями, то всей деревней вышли на утесъ, между тѣмъ Царская Семья успѣла уже спуститься съ утеса и сѣсть на парходъ. Когда парходъ отваливалъ, крестьяне стояли на колѣнахъ и клали земные поклоны, до тѣхъ поръ, пока парходъ не скрылся изъ виду. Многіе

пытались влѣзть на деревья, чтобъ еще нѣсколько моментовъ не выпускать изъ виду удалявшійся пароходъ. Повѣствованіе это записано въ точности со словъ крестьянъ въ 1894 году. Тогда на мѣстѣ теперешней, болѣе изящной часовни стояла еще прежняя самодѣльная, сколоченная крестьянами; на часовнѣ была крупная, тоже самодѣльная, надпись, которую легко можно было прочесть съ Волги. Вотъ точное воспроизведеніе этой надписи съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника: „Въ хотъ Царицы. 1881 года месеца іюля 21 день“. Стѣны часовни были исписаны внутри и снаружи разными посѣтителеми, восходившими на этотъ утесъ. Въ часовнѣ въ то время стояла старая икона безъ ризы, передъ нею теплилась лампада.

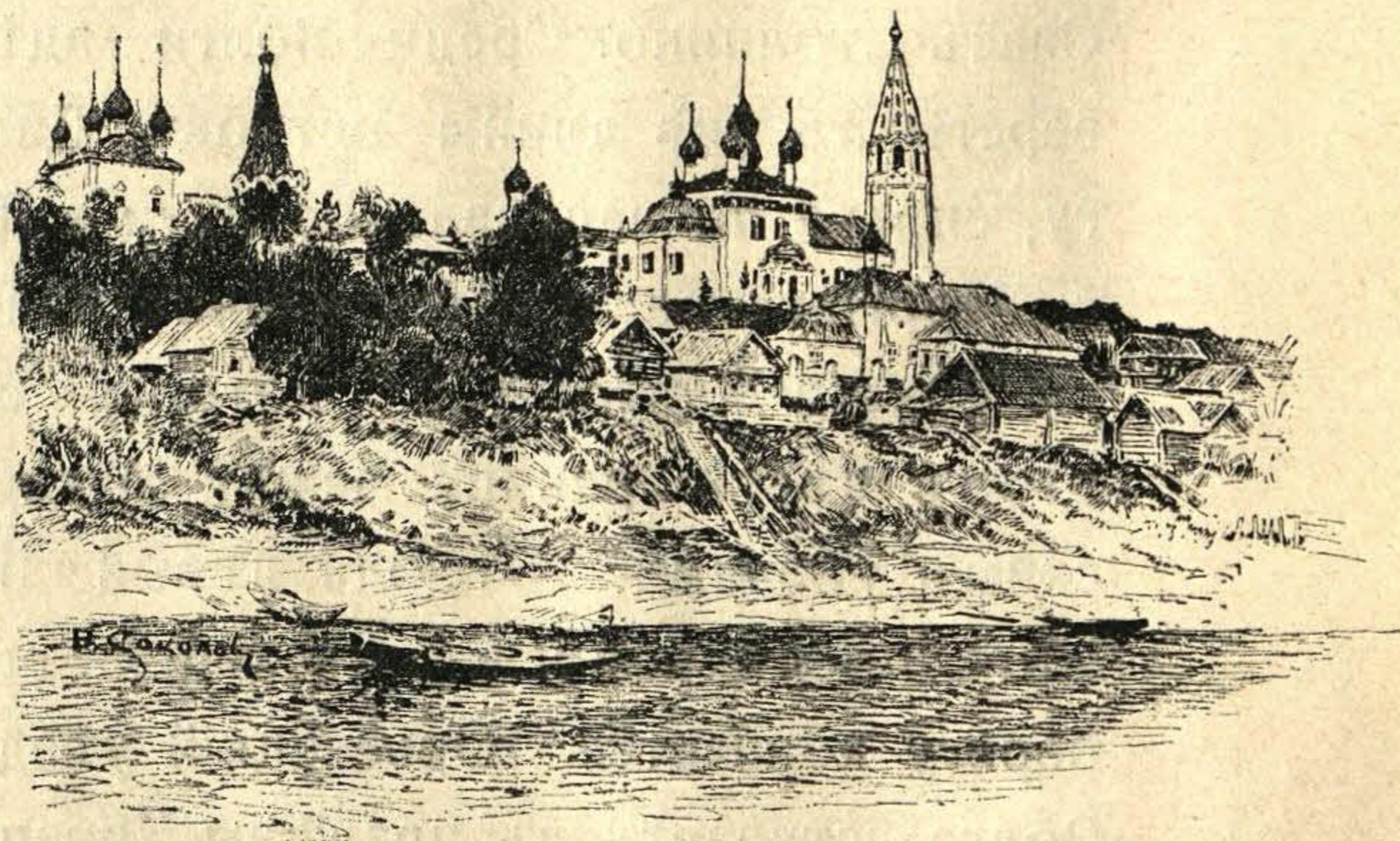
Версты три выше этого мѣста въ Волгу впадаетъ рѣчка Елнатъ. Съ пароходнаго фарватера отсюда открывается великолѣпная панорама: слѣва по направленію пути слѣдованія вдали, на правомъ берегу виднѣются два селенія: ближе—с. Илья-Бережокъ, верхушка церкви котораго выглядываетъ изъ-за лѣса, а дальше, на томъ же берегу, почти у самой воды бѣлѣетъ небольшая церковка другого селенія—Мечка-Пустынь, на лѣвомъ берегу село Спасъ-Столпино. Среди Волги здѣсь тянется большой, версты въ двѣ длины островъ. Дальше, на лѣвомъ берегу, справа по направленію пути слѣдованія показывается с. Георгіевское, расположенное близъ устья сплавной рѣчки Елнати-Желтоватой, которая составляетъ собой въ этомъ мѣстѣ границу между Макарьевскимъ и Кинешемскимъ уѣздами. Отсюда лѣвый берегъ уже принадлежитъ послѣднему, а пять верстъ еще выше и по правому берегу кончается Юрьеveckій уѣздъ. Такимъ образомъ Волга вступаетъ въ предѣлы Кинешемскаго уѣзда.

Версть пять еще выше, на правомъ берегу, слобода Рѣшма—тоже одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ на Волгѣ.

Рѣшма въ XV вѣкѣ была вотчиной боярина Бѣльскаго. Въ началѣ XVII вѣка она играла не послѣднюю роль въ борьбѣ съ крамолой. Въ 1608 году крестьяне слободы Рѣшмы подъ предводительствомъ своего односельчанина, Григорія Лапши, боролись съ шайками Лисовскаго, грабившими въ это время Костромскую и Владимірскую области; затѣмъ, соединившись съ дружиной юрьевецкой, разгромили поляковъ около города Луха, а выше села Дунилова разбили Феодора Плещеева, извѣстнаго приверженца Тушинскаго. Въ 1612 году черезъ Рѣшму проходилъ съ ополченіемъ кн. Пожарскій и здѣсь получилъ искреннюю покаянную Трубецкого и притворную Заруцкаго, которые оба присоединились къ нему. Правительница Софья отдала Рѣшму своему любимцу—Василію Голицыну, но послѣ ея паденія и ссылки Голицына Рѣшма была отписана на государя.

Около Рѣшмы—Макарьевская пустынь, основанная св. Макаріемъ Желтоводскимъ, въ то время, когда, разставшись со своей родной Нижегородской обителью—Печерскимъ монастыремъ, въ которомъ онъ принялъ постриженіе, ища уединенія, святитель шелъ вверхъ по Волгѣ, вмѣстѣ съ преподобнымъ Варнавою, къ городу Луху. Лѣтъ пятнадцать назадъ рѣшменскій Макарьевскій монастырь, будучи мужскою обителью, находился въ полномъ запустѣніи, но, ставъ женскимъ, попавъ въ хозяйственныя руки, сразу преобразился, и теперь процвѣтаетъ. Отъ Макарьевской пустыни по берегу

Рѣшма.

Волги тянется рядъ дачъ, привѣтливо выглядывающихъ изъ-за деревьевъ. Дачи эти устроены монастыремъ и отдаются на лѣто въ аренду, есть между ними и частновладельческія на арендуемой у монастыря землѣ. На монастырской пристани устроена часовня, гдѣ при каждой остановкѣ мимо идущихъ пароходовъ служится молебенъ.

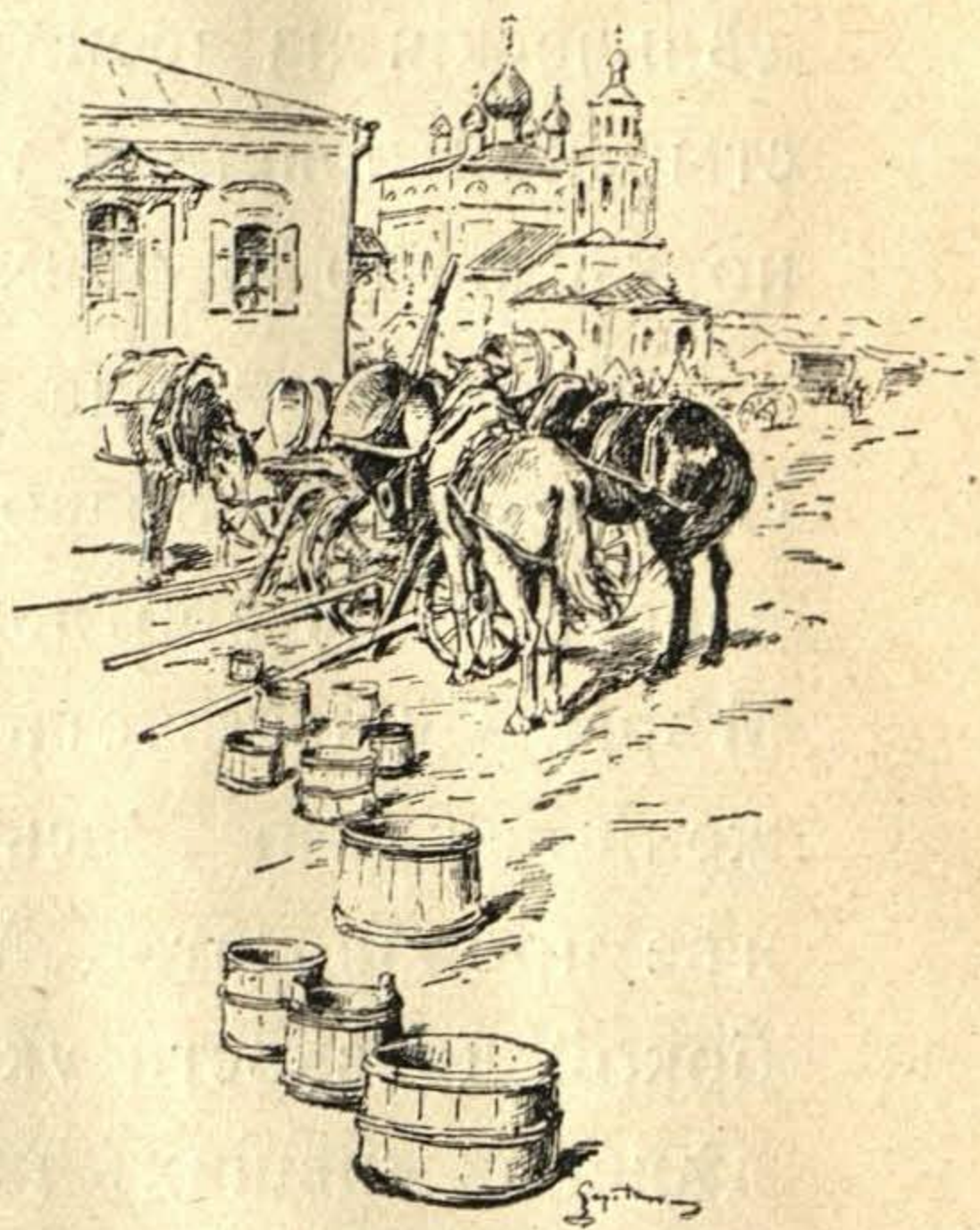
Версть 8 выше Рѣшмы налѣво, по направленію пути слѣдованія, на правомъ берегу с. Никола-Юсь, а еще выше, версть 6, на противоположномъ лѣвомъ берегу с. Никола-Мѣры. Существуетъ догадка, что слово „Юсь“ есть искаженное слово „Весь“, а слово „Мѣры“ слѣдуетъ произносить: „Меря“; что эти названія—наслѣдіе глубокой древности указываютъ на географическое распределеніе жившихъ на Волгѣ финскихъ племенъ „меря“ и „веси“. По одну сторону жили—меря, по другую—весь; Волга служила естественной границей между владѣніями этихъ двухъ племенъ.

Около Николы-Мѣры находится бумаго-прядильная и ткацкая фабрика Миндовскаго. Нѣсколько выше с. Николы-Мѣры на томъ-же лѣвомъ берегу стоитъ дача фабриканта Константинова и въ трехъ верстахъ отъ нея, невидная съ Волги, его красильная фабрика. На правомъ берегу усадьба Кошеева.

Отъ Николы-Мѣры въ ясную погоду вдали уже виденъ городъ Кинешма, находящійся отсюда въ 9-ти верстахъ.

По красотѣ мѣстности Кинешма не уступаетъ Рѣшмѣ. Время основанія этого города неизвѣстно, въ первый разъ упоминается онъ въ 1429 году въ связи съ нападениемъ на него татаръ. Въ XV столѣтіи Кинешма вмѣстѣ съ Лухомъ и Рѣшмой пожалована была боярину Федору Михайловичу Бѣльскому въ видѣ приданого за женой его, родной племянницей Ивана III. Въ первое время

Кинешма была небольшою слободкой, именовавшейся Кукуй, которая впоследствии слилась съ ближайшими селеніями и превратилась въ большой посадъ. При первомъ раздѣленіи Россіи на губерніи, въ 1708 году, Кинешма, уже давно городъ, была сначала причислена къ Архангельской губерніи, затѣмъ въ 1719 году къ Петербургской; при открытіи Костромского намѣстничества стала его провинціальнымъ городомъ и, наконецъ, въ 1797 году сдѣлана уѣзднымъ городомъ Костромской губерніи. Въ Смутное время Кинешма стойко держалась законнаго порядка и упорно боролась съ врагами государства. Въ 1608 году отчаянно защищалась она противъ Лисовскаго, шедшаго на этотъ разъ отъ Юрьевца къ Костромѣ навручку затворившимся въ Ипатьевскомъ монастырѣ полякамъ. Хотя послѣ горячей и продолжительной битвы, въ которой палъ на полѣ брани и самъ достославный кинешемскій воевода Федоръ Бабарыкинъ, Кинешма и сдалась, но силы Лисовскаго такъ послѣ того были разстроены, что, потерявши значительную часть войска еще по пути подъ Солдогой и Плесомъ, онъ, обезсиленный въ конецъ, подойдя къ Костромѣ, не могъ даже переправиться черезъ Волгу и подъ выстрѣлами костромичей принужденъ былъ отступить. Въ настоящее время на мѣстѣ братской могилы павшихъ въ бою въ Кинешмѣ сооружена часовня, передъ которой ежегодно 26 мая, въ день битвы, совершается молебствіе и панихида по убиеннымъ.

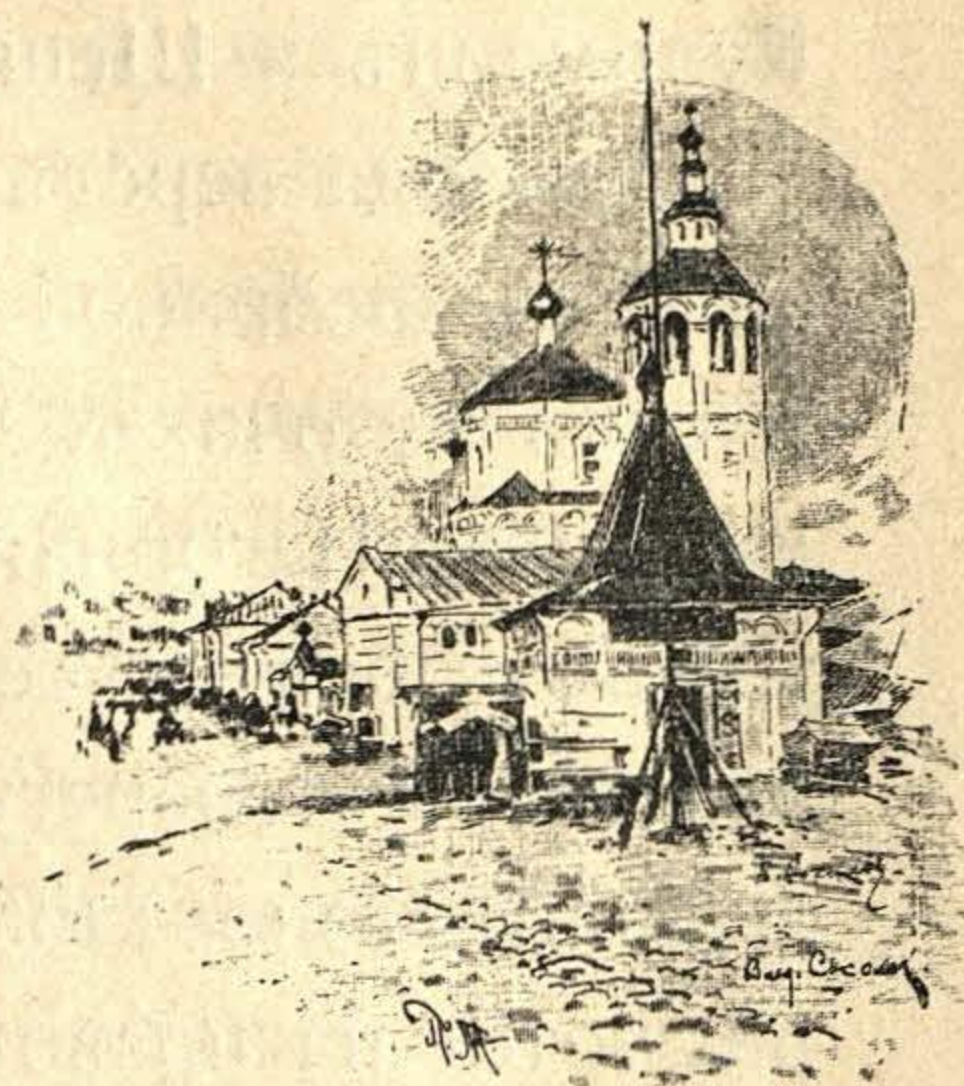
Базарная площадь въ Кинешмѣ.

Въ настоящее время Кинешма представляетъ собой административно-экономическій центръ огромнаго фабрично-промышленнаго района. Главныя фабрики сосредото-

точены въ селахъ Малой и Большой Вичугѣ съ прилегающей мѣстностью. Этотъ Кинешемско-Вичугскій фабричный районъ примыкаетъ къ Иваново-Вознесенскому, Владимірской губерніи. Кинешма соединена желѣзнодорожными путями съ Москвой, Нижнимъ-Новгородомъ черезъ Шуйско-Ивановскую линію, попутно—съ Вичугой, Нерехтой, с. Середой, Костромой, Ярославлемъ, Иваново-Вознесенскомъ.

Въ Кинешмѣ три большихъ мельницы: Кинешемскаго паевого товарищества, Шемякина и Латышева, огромное, пятиэтажное бѣлое зданіе которой видно издали среди другихъ домовъ. Около самой Кинешмы и поблизости ея цѣлый рядъ фабрикъ: почти въ самомъ городѣ бумаго-прядельная, бумаго-ткацкая и аппретурная фабрика Разоренова и Кокорева съ шестью тысячами рабочихъ; далѣе фабрики Севрюгова, Разоренова—„Вѣтка“, Коновалова. Выше Кинешмы идутъ по берегу Волги нефтяныя цистерны Нобеля, Шибаяева, „Волга“, „Мазуть“ и др. Противъ Кинешмы на противоположномъ берегу химическій заводъ, еще недавно принадлежавшій костромскому дворянину Философову, нѣсколько поодаль отъ Волги видна его дача съ островерхой башней; еще выше другая фабрика и дача—Коновалова, далѣе фабрика Елагина и невдалекѣ отъ нея—его же очень красивая дача съ колоннадами, верандами, спускающейся къ Волгѣ каменной лѣстницей.

Отсюда видно вдали направо по направленію пути слѣдованія, на лѣвомъ берегу Волги село Воздвиженское, а еще выше на противоположномъ берегу село Иванъ-Богословъ. Не доѣзжая Воздвиженья, на лѣвомъ берегу

Часовня на мѣстѣ побоища въ Кинешмѣ.

рядомъ двѣ усадьбы братьевъ Хомутовыхъ, одинъ изъ которыхъ еще недавно былъ казанскимъ губернаторомъ. Выше Воздвиженья село Солдога, у впаденія въ Волгу незначительной рѣчки Кистюги. Съ этимъ мѣстомъ тоже связанъ рядъ историческихъ воспоминаній. Въ 1440 году здѣсь происходило сраженіе съ казанскими татарами, при чемъ пали на полѣ брани воеводы—князь Борисъ Сисѣевъ и Никита Засѣкинъ. Въ Смутное время въ сраженіи съ поляками въ 1608 году здѣсь сложили свои головы въ бою Куломзинъ и Шешуринъ.

Отсюда верстъ шесть село Наволоки на правомъ берегу съ фабрикой Миндовскаго, имѣющей до четырехъ тысячъ рабочихъ. Дальше, на лѣвомъ берегу усадьба Домашнева „Нагорная“, а въ семи верстахъ еще выше на томъ же берегу село Каричево, Полуэхтово тожъ. Выше на правомъ берегу село Семигорье и рядомъ съ нимъ—фабрика Коновалова. Отсюда вдали довольно живописно рисуются на правомъ возвышенномъ берегу село Стрѣлки, Петропавловское тожъ, стоящее у границы Кинешемскаго уѣзда, уже въ предѣлахъ сосѣдняго—Нерехтскаго и село Борщовка—бывшее имѣніе Александра Ильича Бибикова. Въ 1767 году Императрица Екатерина II, путешествуя по Волгѣ на галерѣ „Тверь“, въ день праздника Вознесенья, 17 мая, посѣтила борщовскую усадьбу, сопровождавшаго ее въ путешествіи Бибикова; въ сельской церкви здѣсь она отстояла обѣдню и затѣмъ обѣдала въ гостяхъ у Александра Ильича.

Далѣе по лѣвому берегу, направо по направленію пути слѣдованія виднѣются: село Невлянское, затѣмъ деревни Семениха, Бесѣды, Шевелиха и, наконецъ, с. Егорьевское. Здѣсь впадаетъ въ Волгу рѣчка Колдома; селенія, расположенныя у ея устья, носили встарину названіе Колдомскихъ. Въ XV столѣтіи ими владѣла Марія Яро-

славовна, мать Ивана III, затѣмъ они принадлежали супругѣ Ивана III. Императрица Елизавета Петровна подарила одно изъ нихъ, именно—Егорьевское, графу Гендрикову.

Далѣе налѣво по направленію пути слѣдованія, на правомъ возвышенномъ берегу, около „Косыхъ грядъ“,— какъ называется въ этомъ мѣстѣ перекать на Волгѣ,— идетъ рядъ усадебъ, отстоящихъ на сравнительно недалекое разстояніе одна отъ другой: Смолянинова, за ней на горѣ виденъ строящійся деревянный домъ усадьбы извѣстнаго пѣвца Шаляпина, еще выше, прячась за вѣковыми деревьями, въ полугорѣ стоитъ старинный барскій домъ съ колоннами усадьбы „Утѣшной“ покойнаго статс-секретаря Плева. Далѣе, уже на противоположномъ берегу видна усадьба фабриканта Грошева и почти напротивъ нея черезъ Волгу, на правомъ берегу его же небольшая фабрика. Рядомъ съ усадьбой Грошева на лѣвомъ берегу виднѣется желѣзная вышка дробильнаго завода, а нѣсколько выше—химическій заводъ Кокушкиной.

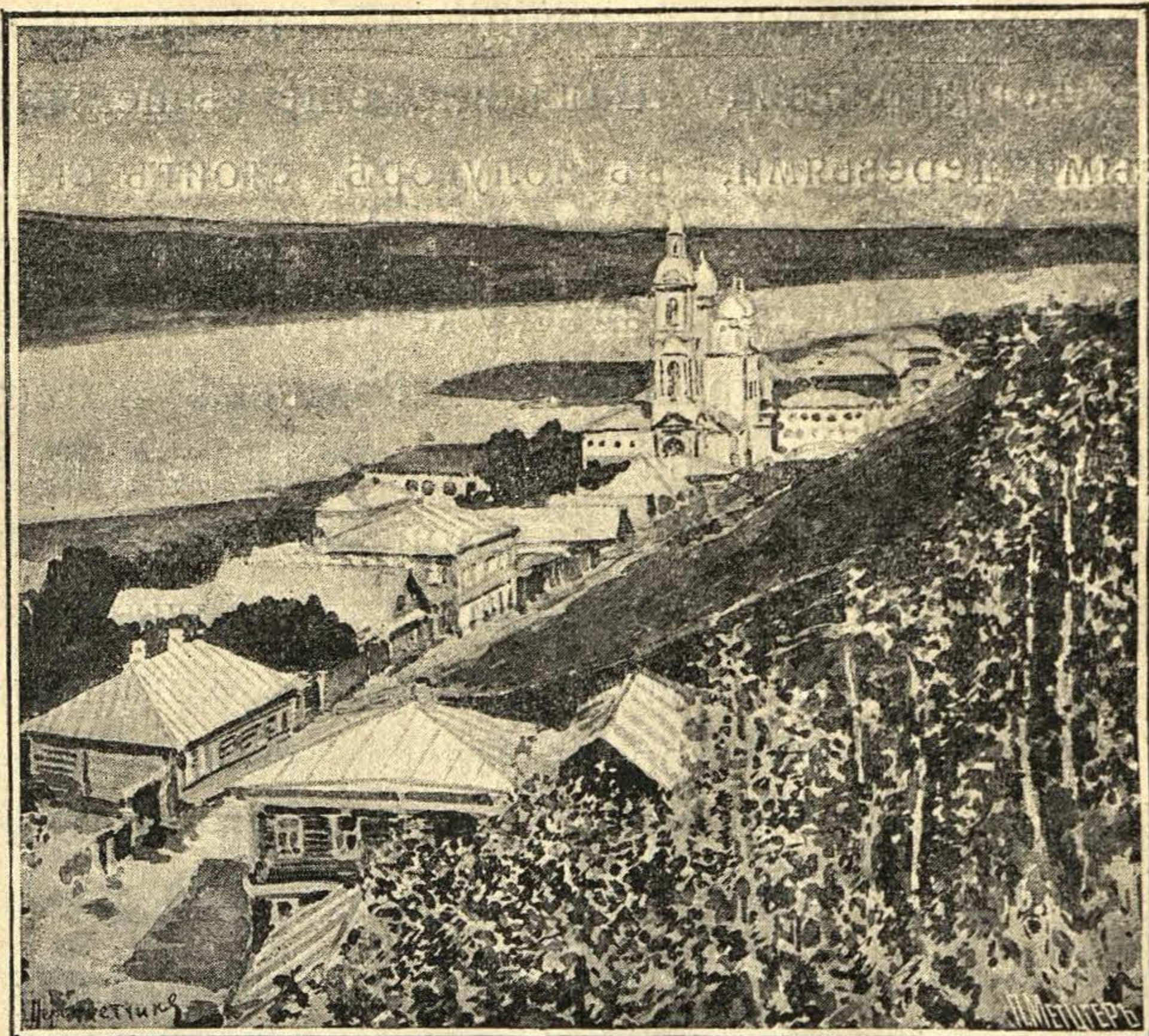
Не доѣзжая города Плеса, который уже виднѣется вдаль, стоитъ на луговомъ берегу д. Сторожево. Недалеко отъ нея указываютъ мѣсто, извѣстное у окрестнаго населенія подъ именемъ „Куликова поля“, или „Панскихъ могилъ“.

Вся эта мѣстность покрыта небольшими буграми, похожими на могилы. По преданію, здѣсь происходило одно изъ жестокихъ побоищъ съ поляками при Василии Шуйскомъ. Лѣтъ шесть назадъ здѣсь производились раскопки, при чемъ найдено много стариннаго оружія.

Селеніе Сторожево находится близъ границы Кинешемскаго уѣзда; слѣдующее селеніе лѣваго берега—Антоновское принадлежитъ уже Костромскому уѣзду, между тѣмъ какъ по правому берегу продолжается еще Нерехтскій.

Заштатный городъ Плесъ недаромъ, съ легкой руки знаменитаго Левитана, написавшаго въ немъ и около него нѣсколько лучшихъ своихъ произведеній, какъ напримѣръ, „Надъ вѣчнымъ покоемъ“,—сдѣлался послѣднее время излюбленнымъ мѣстомъ пребыванія нашихъ художниковъ. Дѣйствительно, это одинъ изъ красивѣйшихъ уголковъ Поволжья.

Основаніе города Плеса относится къ XV столѣтію, когда великій князь Василій Дмитріевичъ, находясь въ Костромѣ и собирая войско противъ Едигея, въ стратегическихъ цѣ-

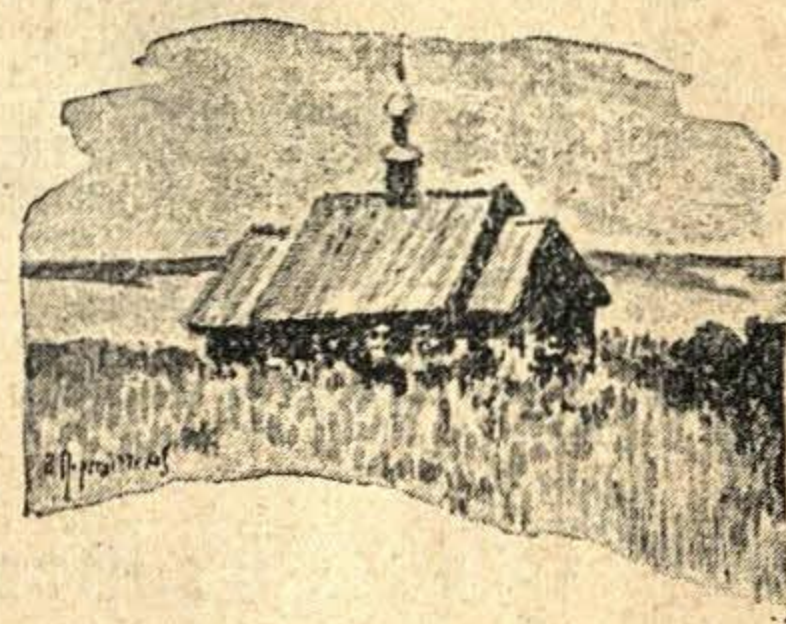

Городъ Плесъ.

ляхъ на мѣстѣ существовавшаго уже здѣсь, по преданію, сельбища Чуварлей велѣлъ заложить острогъ. Послѣ смерти Ивана III городъ Плесъ по духовной достался Василю III, какъ личная собственность. Въ 1608 г. Лисовскій, по пути изъ Кинешмы въ Кострому, опустошилъ его. Черезъ него въ 1612 году проходило нижегородское ополченіе князя Пожарскаго. Въ 1778 году г. Плесъ сдѣланъ былъ уѣзднымъ городомъ Костромской губерніи, а въ 1798 году сталъ заштатнымъ Нерехтскаго уѣзда.

Отъ города Плеса ближайшій путь въ село Коробово, гдѣ живетъ потомство Ивана Сусанина. Коробово находится за Волгой на луговомъ берегу, въ восьми верстахъ и съ Волги не видно. Когда родина Ивана Сусанина—деревня Деревнищи вмѣстѣ со всей Домнинской вотчиной, принадлежавшей великой инокини Марфы, досталась Московскому Новоспасскому монастырю и крестьяне ея были обложены непосильнымъ окладомъ, потомству Сусанина данъ надѣлъ особо въ дворцовой вотчинѣ села Краснаго, на пустоши Коробово земли имъ было отведено всего 98 десятинъ. При Императорѣ Николаѣ I, въ 1837 г., къ этимъ 98-ми десятинамъ прибавлено еще 742.

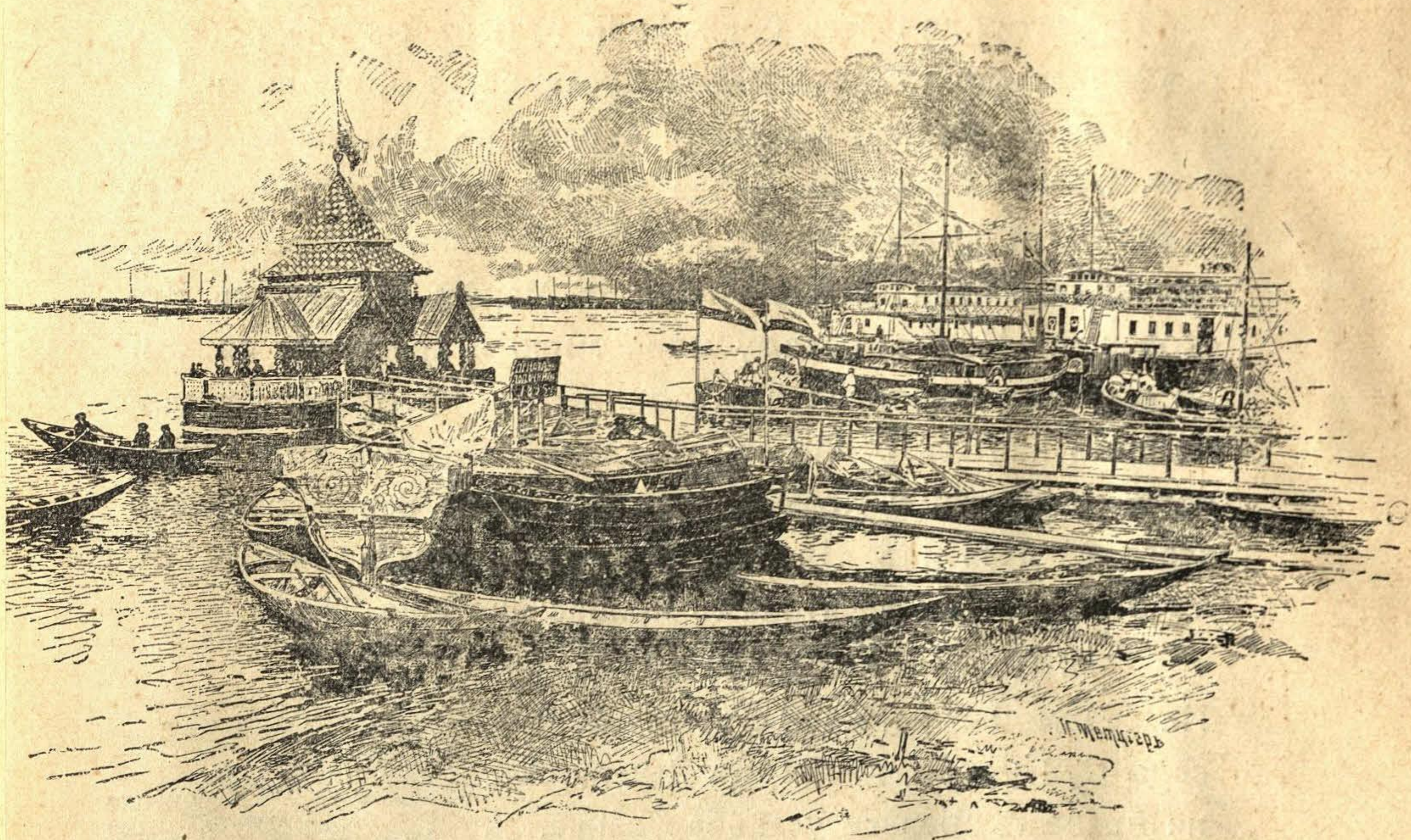
Отъ Плеса до Костромы 55 верстъ. На седьмой верстѣ, по лѣвому берегу, село Сунгурово, далѣе въ 2 верстахъ, на правомъ берегу усадьба Званка, а въ 2 верстахъ еще выше на лѣвомъ берегу село Здемарово, наконецъ, село Красное—одно изъ селеній, принадлежавшихъ къ вотчинамъ бояръ Романо-

Старинная церковь въ г. Плесь («Надъ вѣчнымъ покоемъ»).

выхъ. Село это славится своимъ ювелирнымъ производствомъ. Здѣсь выдѣлывается изъ золота, серебра и другихъ металловъ брошки, булавки, пряжки, запонки и тому подобный, такъ называемый „игольный товаръ“. Промыселъ этотъ первоначально завелся въ находящемся по сосѣдству, верстахъ въ двухъ выше по теченію Волги, селѣ Сидоровскомъ, откуда распространился по окрестнымъ селеніямъ и перешелъ въ село Красное, составляющее теперь главный центръ ювелирнаго дѣла и районъ котораго захватываетъ до 50-ти деревень, гдѣ насчитывается не менѣе 5000 мастеровъ-кустарей, занятыхъ ювелирнымъ дѣломъ. Въ с. Красномъ уже болѣе десяти лѣтъ существуетъ казенная образцовая мастерская-школа.

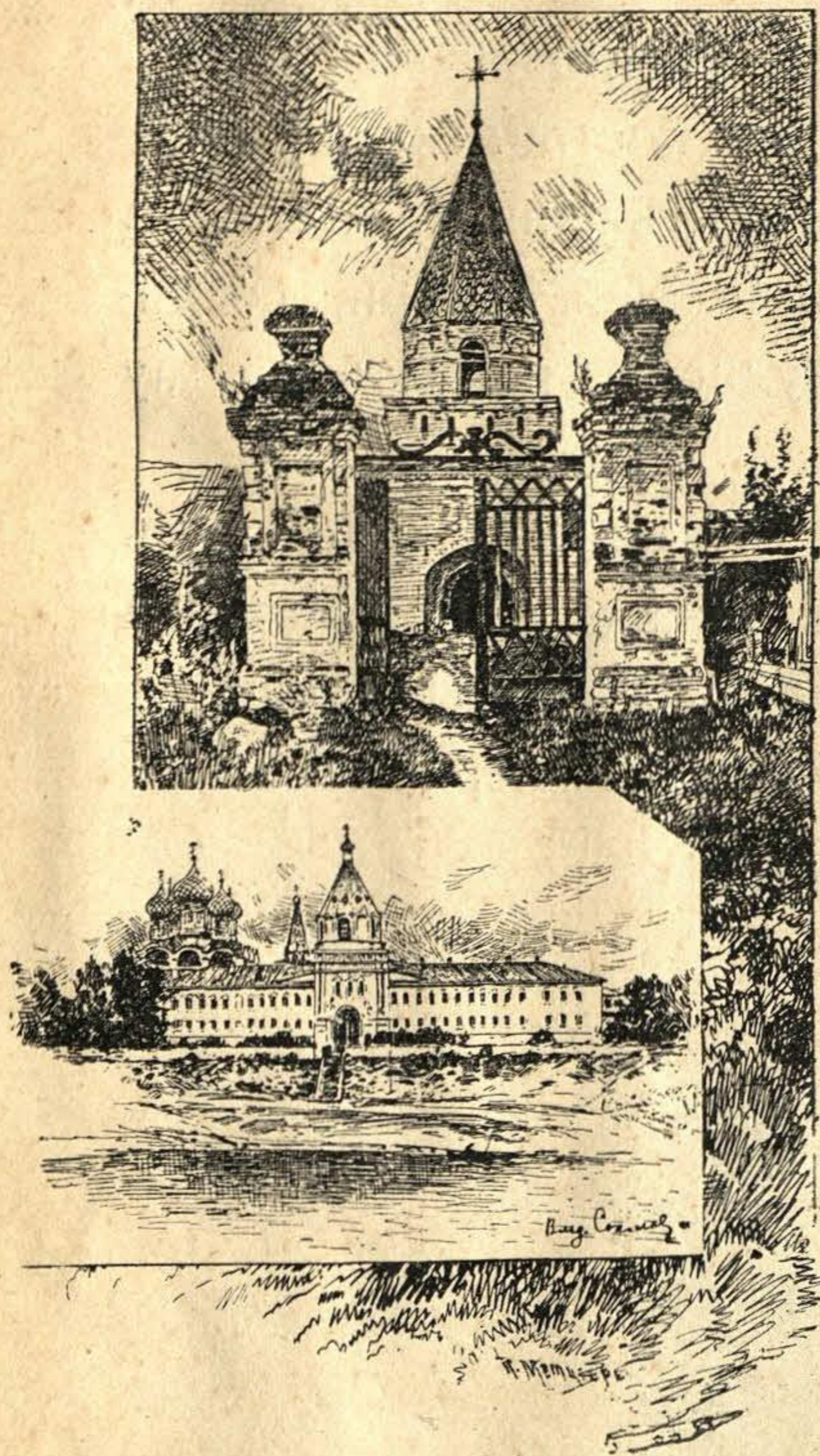

Пристань легкого пароходства.

Село Сидоровское въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ принадлежало боярину Федору Ивановичу Мстиславскому, послѣ числилось дворцовымъ. При Петрѣ Великомъ, въ 1703 году, въ немъ была государева конюшня. Императрица Екатерина II во время своего путешествія по Волгѣ въ 1767 году подарила его графу Владиміру Григорьевичу Орлову.

Отъ села Краснаго начинается уже сказываться приближеніе губернскаго города,—начинается дачная мѣстность, часто встрѣчаются маленькіе, рейсирующие на недалекое протяженіе отъ города, специально дачные пароходы. Въ двухъ верстахъ выше Сидоровскаго въ Волгу впадаетъ съ праваго берега рѣчка Яблонь, и у ея устья—селеніе Яблонская Пустынь. Въ трехъ верстахъ выше по правому берегу Волги деревня Чудь, названіе которой—едва-ли не осколокъ глубокой древности, когда на берегахъ Волги

обитали чудскія племена. Еще выше на правомъ берегу деревня Орликъ, стоящая у самой границы кончающагося здѣсь и по правому берегу Нерехтскаго уѣзда, отсюда оба берега принадлежатъ уже Костромскому уѣзду. Выше Орлика—усадьба Лунево, далѣе село Троицкое, а отъ него по правому берегу, въ семи верстахъ село Чернопенье. Въ свое время, до развитія пароходства на Волгѣ, Чернопенье, какъ и село Кадницы, ниже Нижняго-Новгорода, считалось отечествомъ волжскихъ лоцмановъ: всѣ лоцманы на Волгѣ были либо чернопенцы, либо кадницкіе; въ настоящее время изъ Кадницъ попрежнему выходятъ лоцманы, а Чернопенье доставляетъ на Волгу преимущественно капитановъ буксирныхъ пароходовъ.

Ипатьевскій монастырь.
1) Общій видъ.—2) Сѣверныя ворота.

Отсюда въ одной верстѣ на правомъ берегу великолѣпная дача Ветова. Вскорѣ вдали уже показывается городъ Кострома. По пути на лѣвомъ берегу село Минское и затѣмъ вскорѣ предмѣстье Костромы—слобода Татарская. Татары сюда переведены въ XVII вѣкѣ изъ Романова-Борисоглѣбска, нынѣ Ярославской губерніи, куда, въ свою очередь, поселены были еще въ XVI вѣкѣ.

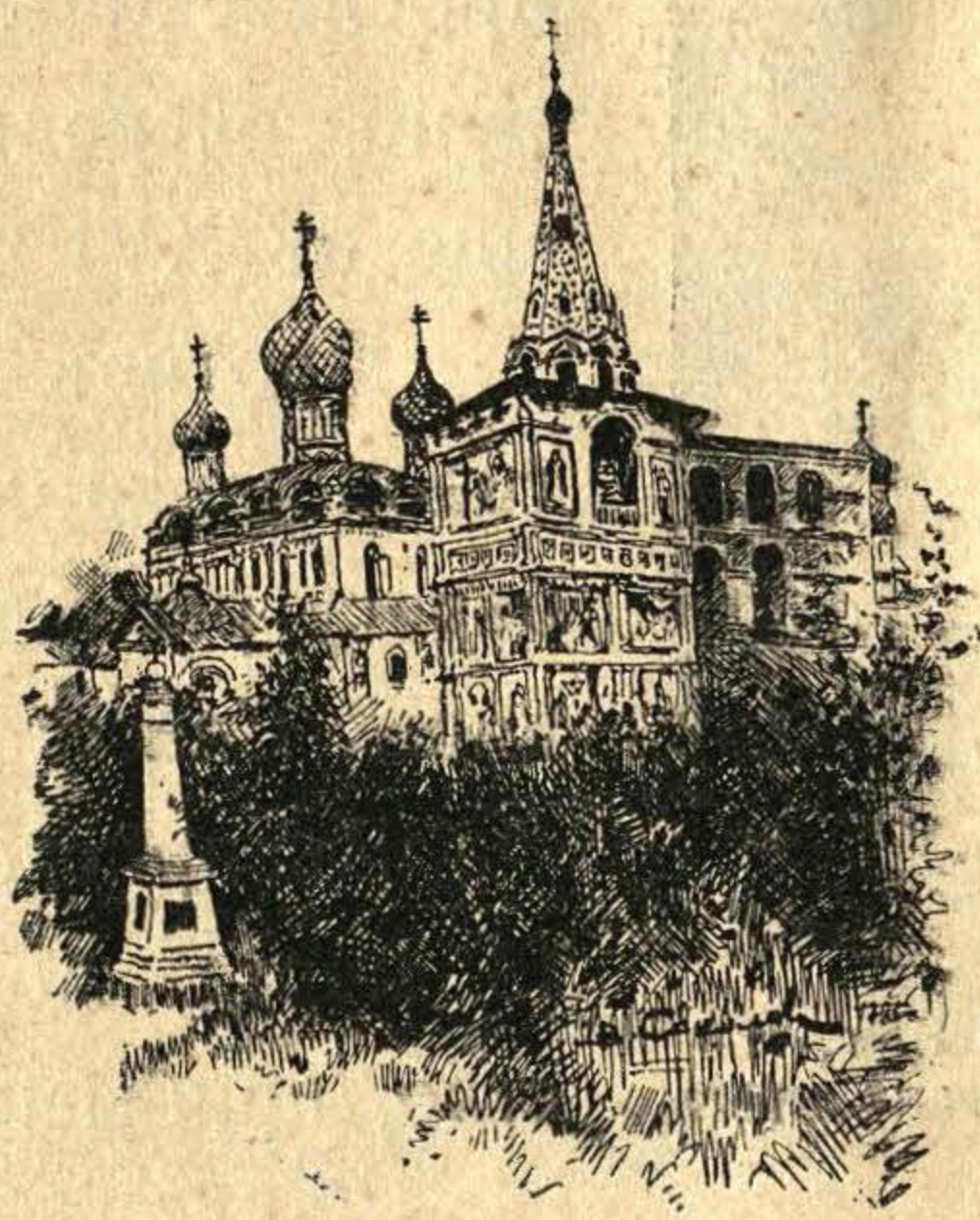
Противъ Костромы на противоположномъ, возвышенномъ берегу расположены села Городище, Спасское и Селище.

Въ приснопамятный 1613 г. 13 марта московское посольство, прибывшее въ Кострому

бить челомъ юному боярину Михаилу Феодоровичу Романову и просить его на русскій престолъ, не въѣзжая въ городъ, остановилось въ этомъ селѣ; въ тотъ же день отрядило отъ себя уполномоченныхъ въ Ипатьевскій монастырь спросить, когда угодно будетъ Михаилу Феодоровичу принять пословъ. Юный Романовъ назначилъ слѣдующій день, 14-е число. Задолго до свѣта въ ночь на это число загудѣли колокола Селищенской церкви; служили утреню; посольство молилось. Рано утромъ двинулось оно къ Костромѣ: архимандриты Московскихъ монастырей—Чудова, Новоспасскаго, Симонова, келарь Троицкой лавры Авраамій Палицынъ, протопопы Московскихъ соборовъ Благовѣщенскаго и Архангельскаго и другіе выборные съ принесенными изъ Москвы иконами, во главѣ съ бояриномъ Феодоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ; при колокольномъ звонѣ костромскихъ церквей переправились черезъ Волгу и, встрѣченные крестнымъ ходомъ съ иконою Феодоровской Божіей Матери, соединившись съ костромичами,—двинулись къ Ипатьевскому монастырю.

То было триста лѣтъ назадъ, и за эти триста лѣтъ подъ державной рукой потомковъ юнаго Царя Михаила государство Московское превратилось въ величайшую въ мірѣ и одну изъ могущественнѣйшихъ имперій.

Троицкій соборъ Ипатьевского монастыря.